

Журнал творческой мастерской
«Московский салон литераторов»

ISSN: 2782-1560 ISSN: 2782-1560 ISSN: 2782-1560

№ 3 (42) 2022

МОСКОВСКИЙ BAZAR

МОСКВА, 2022

Подмосковные питерские вечера, или Путешествие из Москвы в Петербург и обратно

Я выхожу из поезда, и меня встречает низкое угрюмое небо, порывы сырого ветра; сыплется мелкий дождь. «Типичная питерская погода», – думаю я, раскрывая зонтик. И тут же осознаю, что я в Москве. А четыре часа назад я грузила чемоданы в «Сапсан» под ярким синим небом, стоя на перроне Московского вокзала в Питере. *Все смешалось в доме Облонских!* Там, где по статусу должно быть сыро и промозгло – все-таки рядом Балтика, – сияет солнце. Континентальная Москва тонет в струях дождей.

Когда едешь в другой город всего на пару-тройку дней, время чудодейственным образом расширяется и 24 часа превращаются в 48, а то и 72, за которые успеваешь посетить несколько музеев, взобраться на смотровую башню и оглядеть город с высоты, съездить на пару экскурсий, а еще ознакомиться с местной кухней, набродиться по улицам и проспектам до такой

степени, что уже к вечеру начинаешь указывать нужное направление другим таким же туристам, забежать в сувенирную лавку и даже немного поспать. Неудивительно, что, возвратившись домой, ты еще какое-то время находишься под чарами оставленного только что места и не сразу осознаешь, что ты уже дома. Голова забита впечатлениями и все еще находится где-то там. В моем случае – в Питере.

Говорить о достопримечательностях Питера бессмысленно. Даже тот, кто не бывал в этом городе, знает о них. Да не обидятся на меня питерцы, но это город невежливых водителей, курящей молодежи и стремительно бегущих куда-то людей (видимо, питерцы очень занятые), а также безумно вкусной и демократичной по цене выпечки. Одни пышки чего стоят! Про красоту говорить не буду. Посетив не один город Европы, с полной ответственностью скажу: конкуренции Питеру в Европе нет.

Катаясь на катере под питерскими мостами, я думала о том, что Санкт-Петербург – важный имперский город, суровый и властный. Москва же – боярская и купеческая. Питер давит монументальностью. Москва – как кружево. Питерские соборы тяжелые и стильные. Московские церкви хрупкие и легкие, слегка бесшабашные в своем убранстве. Питерские вечера под низкими мостами навевают мысли о великом историческом прошлом, подмосковные вечера наполнены пением птиц и шорохами леса. Все такое разное! Две столицы, два мира, два города-героя.

Московская эклектика слегка напрягает. Огромный Ленин, стоя на Калужской площади, смотрит на Москва-Сити. Его гранитный взгляд скользит по старым особнякам XVIII века, сталинскому ампиру, хрущевским пятиэтажкам и современным безликим коробкам. Питер упрям и не желает пускать в свое пространство современные строения. Разве что башню, которую так неуместно возвел «Газпром» за шпилем Петропавловской крепости. Но это скорее

исключение, чем правило. В Москве трудно найти улицу, где бы среди старых особняков не затесался современный жилой комплекс. А Питере трудно найти улицу, где среди великолепных дворцов вдруг окажется новодел.

Но я все равно люблю возвращаться в Москву. В ее тихие дворы и широкие проспекты. Люблю свой город, изломанный и израненный горе-архитекторами и все равно возрождающийся, уже в новом облике.

Однако какое счастье попасть, пусть ненадолго, в город-музей на берегу Невы, где каждый камень мостовой пропитан историей! Какое счастье, что можно прогуляться по мостовым, по которым ходили Пушкин и Достоевский, Римский-Корсаков и Чайковский, Петр I и Екатерина II. И последний российский император.

Впрочем, не буду заниматься сравнением Москвы и Питера. Хочу поговорить о другом. Прогуливаясь перед сном по набережной Фонтанки после насыщенного туристического дня, я вновь возвращалась мыслями к текущим событиям. Мы живем во времена великой турбулентности и грандиозной перестройки мира. И, наверное, говорить об этом будем еще долго. Мир не просто меняется, он меняется масштабно, он становится другим. Мы даже пока еще не можем представить, каким он будет. Помнится, в советское время мы всегда знали, что завтра будет лучше, чем вчера. И даже лучше, чем сегодня. Наши родители были твердо уверены, что мы, их дети, будем жить гораздо лучше.

Шаг за шагом мы шли к светлому будущему. И вдруг бац – перестройка. И мы покатались в пропасть. Но продолжали верить – завтра будет лучше, чем вчера. Только нужно немного потерпеть. Наконец мы выкарабкались из этой перестроечной трясины. Мы стали заново строить новый мир, как умели, порой с перегибами – московская эклектика тому пример. И наконец построили! Неплохой в общем-то мир: мы стали много путешествовать, у нас появились личные автомобили, полки магазинов наполнились таким желанным товаром, который перестал быть дефицитным.

И вот, как только мы позволили себе вообразить, что завтра будет лучше, чем вчера, нас снова отбросили в тревожную неопределенность и лишили многих возможностей. История повторяется. Неправ был старик Гегель, она повторяется не как фарс, она повторяется как трагедия. В очередной раз трагедия. И нам снова предложено выживать в новых условиях.

И мы выживем! Как выживали наши прадеды, деды и родители. А с чего мы взяли, что мы особенные? Нет, мы такие же, какими были наши предки. Каждому поколению положена своя порция испытаний. Важно пройти эти испытания с достоинством. И мы пройдем. Потому что на набережной Фонтанки лежат все те же плиты, по которым ходил Пушкин. Потому что улицы Петербурга по-прежнему хранят нашу историю и культуру. Рушились великие империи, на их месте возникали новые, но оставалась культура, оставались акведуки и прекрасные античные статуи, оставались фрески древних монастырей и бесценные картины, хранящиеся в Эрмитаже и Лувре, Венеция с ее дворцами и каналами и Кёльнский собор, кружевные церкви Кижей и иконы Андрея Рублева. Всё это наши якоря.

В сущности, только это и имеет ценность в изменчивом мире. Пока мы храним нашу общую культуру, пока ходим в музеи и продолжаем творить и созидать, мы не погибнем. Мы исчезнем с планеты Земля как ненужная и бесполезная цивилизация, если перестанем создавать дворцы и паласы, а ограничимся бетонными коробками с отверстием для входа и выхода. Если не будем воссоздавать разрушенные фашистами дворцы Петергофа и сгоревший Собор Парижской Богоматери. Подмена ценностей, столь распространенная сейчас в искусстве и культуре, это и есть наша смерть. Поиски новых путей в искусстве всегда вели к культурному взрыву, как это было в эпоху Возрождения. Однако по пути упрощения можно прийти лишь к культурной деградации.

Московский BAZAR № 3 (42) 2022

Пока на берегах Невы стоит Петербург, город, где любой фасад на улице, куда ни кинь взгляд, можно разглядывать часами, мы будем жить. Город, в котором, как в волшебном ларце, спрятана Красота. Та самая, которая спасет мир. И я буду возвращаться в этот город снова и снова.

Город-музей, город-история, город-Красота...

Все движется своим порядком, и изменить этот порядок невозможно, как бы нам этого ни хотелось. На Ленинградском вокзале в Москве идет дождь, на Московском вокзале в Питере сияет солнце.

И да – завтра будет лучше, чем вчера.

Ваша Светлана Сударикова

Фото С. Судариковой. Санкт-Петербург, сентябрь 2022 г.

СОДЕРЖАНИЕ

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ

СВЕТЛАНА КУЛИКОВА (МОССАЛИТ, Москва)

- *ВО ИМЯ ДОЛГА И СПАСЕНИЯ ДУШИ. Поэт К. Р. и Страсти Христовы в Обераммергау*

ЯН БРУШТЕЙН (Москва)

- *О ЛЁНЕ ГУБАНОВЕ...*

ЛЕОНИД ГУБАНОВ

- *СТИХИ*

7

23

25

Галерея VazART

ЗНАКОМЬТЕСЬ: Художник Екатерина Клочкова (Москва)

- *«ЯРКИЕ КРАСКИ ФРЕСОК...»*

26

ПОЭЗИЯ

СЕРГЕЙ ЕРМАКОВ (Ростов-на-Дону)

НАТАЛЬЯ ТИМОФЕЕВА (Химки)

ЕЛЕНА ОВЧАРОВА (Томмот, Якутия)

СЕРГЕЙ БЕРСЕНЕВ (Москва)

ЕКАТЕРИНА КАГРАМАНОВА (Ставрополь)

СЕРГЕЙ ГАМАЮНОВ (ЧЕРКЕССКИЙ) (с. Александровское Ставропольского края)

27

32

37

40

44

48

ПРОЗА

ЯН КАУФМАН (МОССАЛИТ, Москва)

- *ВЕТКИ МИМОЗЫ. Воспоминания актера*

ДЖОН МАВЕРИК (Германия)

- *НА МОСТУ*
- *ЭВТАНАЗИЯ*

ВСЕВОЛОД КРУЖ (МОССАЛИТ, Москва)

- *КВАРТИРА В АРЕНДУ*
- *НАУЧИ МЕНЯ ЛЕТАТЬ*
- *ТРИ ЖЕЛАНИЯ*

50

52

54

58

61

63

ЗАПИСКИ НА МАНЖЕТЕ

ОЛЬГА РЫБАКОВА (МОССАЛИТ, Москва)

- *МНЕ БЫ В НЕБО*

69

ДЕТСКОЕ ЧТЕНИЕ

МАРИЯ МЕЛЬНИКОВА (Москва)

- *ШЛЯПА И БЕЛЫЙ КРОЛИК. Рассказ*

НИКОЛАЙ ШУМОВ (Москва). Стихи для детей

СВЕТЛАНА СЕВРИКОВА (Москва). Стихи для детей

СЕРГЕЙ ТАМБОВЦЕВ (Санкт-Петербург). Стихи для детей

71

73

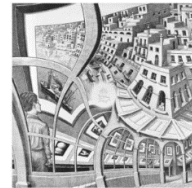
79

81

ГОРОДСКОЙ АЛЬБОМ

МАРИЯ Д'ХУАН (МОСКВА)

- *МИР В ЦВЕТАХ И КРАСКАХ (Из книги «Внуково. “Московский писатель”. В тени больших деревьев»)*

85

ЧАСТНАЯ ТЕРРИТОРИЯ

ЕЛЕНА ОБРАЗЦОВА (Москва)

- *СЕМЕЙНЫЕ ЦЕННОСТИ: ВОЛШЕБНЫЙ МИР ТВОРЧЕСТВА*

91

СОБИРАЕМ ЧЕМОДАНЫ

АНАСТАСИЯ МИЛЮТИНА (Москва)

- *УЗБЕКИСТАН – ВОСТОЧНАЯ СКАЗКА. Хроники одного путешествия*

98

В оформлении журнала использованы репродукции картин и иллюстраций М. Эшера, Е. Клочковой, фотографии из авторских архивов С. Куликовой, С. Судариковой, М. Д'Хуан, Н. Сергеенковой, О. Грушевской, А. Милютиной, открытых интернет-источников.

На обложке:

Е. Клочкова. Серия «Русский Север. Ярославской области посвящается...». Акварель, 2022 г.

Руководитель проекта *Ольга Грушевская*

Главный редактор *Светлана Сударикова*

Редактор-корректор *Ирина Чижова*

Художественный редактор *Ольга Грушевская*

Кураторы рубрик:

«Проза» – *Светлана Сударикова*

«Поэзия» – *Алексей Казарновский, Ольга Уваркина, Андрей Баранов*

«Культурное наследие» – *Ольга Грушевская, Светлана Сударикова*

«Частная территория» – *Светлана Сударикова*

«Публицистика», «Голос прошлого – литературная критика» – *Петр Дубенко*

«VazArt» – *Ольга Грушевская*

«Записки на манжете» – *Ольга Рыбакова*

«Детское чтение» – *Ольга Уваркина*

«Собираем чемоданы» – *Анастасия Милютина*

Журнал выходит в рамках проекта творческой мастерской «МОССАЛИТ»

www.moscowbazar.com © МОССАЛИТ

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ

Светлана Куликова

(МОССАЛИТ, Москва)

ВО ИМЯ ДОЛГА И СПАСЕНИЯ ДУШИ

Поэт К. Р. и Страсти Христовы в Обераммергау

Предисловие

В августе 1858 года в монаршей семье, у императора России Николая I родился внук – великий князь Константин Константинович. Родители младенца – сын императора Константин Николаевич и его супруга великая княгиня Александра Иосифовна (урожденная принцесса Александра Саксен-Альтенбургская, принявшая православное крещение) – дали мальчику традиционное для высшей русской аристократии домашнее образование. С ним занимались выдающиеся ученые и деятели искусств того времени. Историю преподавали знаменитые С. М. Соловьев, К. Н. Бестужев-Рюмин, уроки литературы вели писатели И. А. Гончаров и Ф. М. Достоевский. В числе обязательных предметов были не только астрономия,

физика, химия, математика, но и живопись, музыка, танцы... С раннего возраста князь изучал сразу несколько иностранных языков, включая родной язык его матери – немецкий, а также мертвые – латынь и древнегреческий.

В распоряжении Константина были обширнейшие родовые библиотеки Зимнего дворца, Константиновского дворца в Стрельне, Павловского дворца, Летнего дворца в крымской Ореанде. В каждой из них хранились сотни изданий величайших произведений всемирной литературы на языках авторов. Константин читал их в первоисточниках, а позже перевел на русский произведения Шиллера и Гёте.

Литература стала не только любовью, но и делом жизни Константина Романова – младшего, что в те времена считалось недопустимым, даже позорным для члена царской семьи. Родовым предназначением великих князей было исключительно служение Отчизне, и в. к. Константин Константинович этой участи не избежал. Со дня крещения во младенчестве и до последнего вздоха в июне 1915 года он оставался верен военной службе. Участвовал в русско-турецкой войне, имел множество наград. В должности Главного начальника

Военно-учебных заведений получил от народа звание «отец всех кадет» за особое попечение юношеского военного образования.

Но и увлечению литературным трудом царский внук отдавал немало времени и душевных сил. Под криптонимом К. Р. он спрятал свое происхождение и подписывал им стихи, переводы, критические публикации, сборники произведений.

Писать стихи великий князь начал в отрочестве, но первым удачным (по мнению автора) и опубликованным (за подписью К. Р.) в августе 1882 года в журнале «Вестник Европы» стало написанное в Ореанде «Задремали волны...».

Задремали волны,
Ясен неба свод;
Светит месяц полный
Над лазурью вод.

Серебрится море,
Трепетно горит...
Так и радость горе
Ярко озарит.

Эти два четверостишия положили на музыку С. В. Рахманинов и Ц. А. Кюи.

Развитию поэтического таланта великого князя противодействовали не только традиции и законы того времени, но и Семья. Мать – прусская принцесса и отец – сын русского царя были до крайности возмущены литературными занятиями своего отпрыска, великий князь Константин Николаевич даже как-то сказал: «Мне легче видеть сына мертвым, нежели поэтом». Возможно поэтому литературное дарование Константина Константиновича не развилось в полной мере, но стихи его полны лиризма, душевной тонкости, любви к природе и людям. Романсы на их слова написали П. Чайковский, А. Глазунов, Р. Глиэр, А. Гречанинов, М. Ипполитов-Иванов, Э. Направник, С. Рахманинов, А. Рубинштейн, П. Чесноков и др.

Произведения К. Р. стали известными не только в аристократических кругах. Незадолго до смерти, во время Первой мировой войны, он написал знаменитое стихотворение «Умер!».

Умер бедняга в больнице военной,
Долго родимый лежал.
Эту солдатскую жизнь постепенно
Тяжкий недуг доконал.

Рано его от семьи оторвали,
Горько заплакала мать,
Всю глубину материнской печали
Трудно пером описать!

...

Первым его положил на музыку Яков Пригожий, но очень быстро были забыты и автор слов, и композитор, песня стала народной. Ее пели солдаты во время русско-японской войны, в Первую мировую. Даже после Великой Отечественной войны она еще была жива, ее исполняли калеки-фронтовики на базарах и в вагонах поездов.

До сих пор литературоведы изучают переводы и критические статьи К. Р.

Пьесу К. Р. на евангельский сюжет «Царь Иудейский» и авторские примечания к ней М. А. Булгаков использовал как материал для романа «Мастер и Маргарита». А для самого великого князя работа над этой драмой была самым важным литературным трудом – не просто написание, а 25-летний тяжелый процесс духовного созревания не только пьесы, но и самого автора.

Ежегодно в Санкт-Петербурге в Константиновском дворце в Стрельне (ныне государственный комплекс «Дворец конгрессов») проводятся научно-практические конференции «Константиновские чтения», на которых выступают историки, изучающие государственное наследие Дома Романовых, в том числе жизнь и творчество великого князя Константина Константиновича – поэта К. Р.

На очередных таких чтениях мы разговорились с сотрудницей библиотеки Академии наук при ИРЛИ (Пушкинский Дом) Еленой Саламатовой, которая показала коллекцию открыток XIX–XX вв. из своего личного архива. На выцветших карточках были изображены сцены театрального представления на библейскую тематику – *Passionsspiele*. Надписи на немецком языке с обратной стороны открыток извещали, что волновавший поэта К. Р. евангельский сюжет о последних днях земной жизни Христа задолго до написания драмы «Царь Иудейский» был театрализован в баварской деревне Обераммергау. И возник вопрос: только ли сюжетом связаны главный труд жизни августейшего поэта и мистерия на родине близких родственников Романовых?

I

Не будем погружаться в глубину веков – возьмем лишь тот период, когда великий князь Константин Константинович **мог узнать** о постановке, связавшей воедино и поднявшей до всенародного поклонения две бесконечно близкие ему темы: верность данному обету (долгу) и духовный подвиг Иисуса Христа¹.

При сознательной жизни К. Р. в Обераммергау прошло пять мистерий: в 1871 году (На этот год перенесено представление 1870 года из-за франко-прусской войны; великому князю всего 13 лет, он проходит домашнее обучение и готовится к службе на флоте. – *Прим. автора.*), в 1880, 1890, 1900 и 1910 годах. Источниками получения информации о зарубежных событиях в XIX–XX вв. были открытые публикации и свидетельства очевидцев.

Что касается публикаций, то сами немцы, не только причастные к созданию мистерий, но и деятели культуры, искусства, историки, а также зрители из разных стран, оставляли о **каждой** *Passionsspiele* многочисленные письменные свидетельства, с которыми мог (и сейчас может) ознакомиться любой желающий². Великий князь прекрасно знал немецкий язык, имел широкий круг чтения. Вряд ли мимо его внимания прошли такие публикации.

¹ *Passionsspiele* в Обераммергау – настоящая народная масштабная мистерия. К работе над постановкой привлекаются профессиональные сценаристы, режиссеры, композиторы, но все роли исполняют только самодеятельные артисты – коренные жители деревни. Они долго готовятся, шьют костюмы, сами делают декорации и отрачивают волосы и бороды, разучивают тексты. В начале на сцене присутствовали сотни персонажей, сейчас их более тысячи. См.: [Электронный ресурс] URL: https://de.wikipedia.org/wiki/Oberammergauer_Passionsspiele (дата посещения: 3.08.2016).

² Utschneider, Ludwig. *Bibliographie zur Geschichte Oberammergaus und der Passionsspiele*. Der Ammergau, Schriftenreihe des Historischen Vereins Oberammergau. 1999 (Утшнайдер, Людвиг. Библиография по истории Обераммергау и *Passionsspiele*. Обераммергау, тематическая серия Исторического клуба Обераммергау. 1999г). [Электронный ресурс] URL: <http://www.historischer-verein.de/media/files/bibliographie.pdf> (дата посещения: 3.08.2016).

Историческая справка

Народные постановки на тему страданий Христа издавна ставились и ставятся поныне во многих деревнях (реже – городах) мира, где это не противоречит конфессиональным канонам, в том числе и в Германии. Но мистерия в Оберраммергау – единственная театрализация, которую сами жители устраивают по обету, данному Богу.

Деревня-коммуна Оберраммергау расположена в Верхней Баварии в 400 км от Альтенбурга и в 70 км от Мюнхена.

В 1632 году там свирепствовала страшная эпидемия. За год от чумы погибло около трети населения деревни. Полностью вымерло 80 семей, и умерли два деревенских священника, которые весь этот год проводили отпевания.

Общее состояние надвигающегося конца света довлекло над жителями деревни. В октябре 1633 года в церкви у алтаря перед распятием собрался совет деревни и в совместной молитве о прекращении беды дал обет: один раз в десятилетие на Пасху все жители деревни будут оживлять страницы Священного Писания «Страстей Христовых», духовные и физические страдания Христа в последние часы его земной жизни.

Важно заметить, что в те времена «живые инсталляции» были в моде³.

Первое представление решили дать на Пасху 1634 года. Эпидемия чумы резко пошла на убыль. Если за предыдущий год от болезни погибло более 400 человек, то с момента, когда была принесена клятва, похоронены были всего 7 семей. А в 1634 году после начала регулярных представлений смерть от чумы и вовсе прекратилась.

*Десятилетний цикл впоследствии сбился: некоторые представления были перенесены на другие годы из-за войн, а юбилейные игрались вне установленного интервала (1934 год – 300 лет *Passionsspiele*; 1984 год – 350 лет).*

Во всем мире мода на театрализованные мистерии закончилась ровно так же, как и началась. Но жители Оберраммергау верны своей клятве и по сей день. До 1930 года представление шло на воздухе: декорации возводились на поляне на окраине деревни. Позже было построено специальное здание театра⁴.

³ Эта мода в основном распространялась на западные страны. В России XVIII–XIX вв. в рамках приходов ставились рождественские «вертепы» (как правило, кукольные) и в домашних театрах «живые картины» на ветхозаветные темы. В профессиональных театрах дореволюционной России действовала строгая синодальная цензура, препятствовавшая мистериальным постановкам. См. по данной теме: Евреинов Н. Н. История русского театра. М., 2011; Бачинин В. А. Христианство и театр // Русский архипелаг. Сетевой проект «Русского мира». [Электронный ресурс] URL: <http://www.archipelag.ru/authors/bachinin?library=1654> (дата посещения: 3.08.2016).

⁴ С XVII в. представления «Страсти Христовы» в Оберраммергау стали платными и начали приносить общине немалый доход; это, а также большие праздничные даты, подвигло жителей давать представления чаще, чем раз в 10 лет, в то же время в военные годы разрыв между мистериями был

Статьи и заметки путешественников, побывавших в Обераммергау, издавались и на русском языке. В частности, известный русский юрист, публицист, историк литературы Владимир Данилович Спасович, посетивший Passionsspiele в 1890 году, опубликовал подробнейшее описание своего путешествия. Он сделал глубокий анализ зрелища, мало отвечающего канонам православной церкви, но тем не менее высокодуховного и трогательного, отметил его значение в экономике баварской деревни-коммуны (с 1720 года на Passionsspiele стали продавать билеты)⁵.

Оставим исследователям текста драмы К. Р. «Царь Иудейский» рассмотрение зрительских впечатлений Спасовича и сопоставление их с духовными произведениями К. Р. Отметим лишь, что следующую мистерию – 1900 года – великий князь посетит лично. Ниже мы вернемся к этому событию.

Старейший измайловец П. В. Данильченко вспоминает: «Двадцать пять лет работал Августейший поэт К. Р. над своим лучшим произведением драмой-мистерией “Царь Иудейский”. В это произведение он действительно вложил “все порывы пламенной души”, весь религиозный пафос, все свое глубокое проникновение в величайшую мировую тайну, преобразившую весь мир и давшую ему великое, новое упование, новую надежду <...>»⁶.

Если отсчитать 25 лет назад от 1912-го – года первого публичного чтения завершённой драмы «Царь Иудейский» на заседании литературно-художественного кружка для офицеров лейб-гвардии Измайловского полка «Измайловские досуги», то получим примерную дату замысла этого произведения – 1887 год.

Но подспудная работа в душе автора началась раньше, о чем он, возможно, и сам не подозревал...

Непосредственно к написанию драмы К. Р. приступит лишь в 1909 году, за пять лет до показа. Десятилетия уйдут на духовную переплавку всех тех впечатлений, что подталкивали его к осмыслению выбранной темы. Эти впечатления ему давали события личной жизни, литература и искусство и, конечно же, встречи с очевидцами театрализации «Страстей Христовых» в Обераммергау. А среди близких родственников великого князя Константина Константиновича были люди, лично видевшие эту мистерию.

В 1871 году «Страсти Христовы» в Обераммергау наряду с другими знаменитыми гостями посетили фрейлины императрицы Марии Александровны – мадам Смирнова и мадам Арнольди, а также сын императора Александра II великий князь Владимир Александрович⁷. Почетным гостем на этом представлении был заядлый театрал, баварский король Людвиг II, близко знакомый с членами императорского Дома Романовых и едва с ними не породнившийся⁸.

более 10 лет, поэтому четкий десятилетний цикл представлений был нарушен. Последние Passionsspiele в Обераммергау состоялись в 2010 г., предстоящие намечены на 2020 г. Официальный сайт мистерии: URL <http://www.passionsspiele-oberammerngau.de/d> (дата посещения: 3.08.2016).

⁵ См.: Спасович В. Д. Страсти Господни в Обер Аммергау (путевые воспоминания) // Он же. Сочинения. Т. XIX. СПб., 1900. С. 123–149.

⁶ Сборник памяти великого князя Константина Константиновича поэта. К. Р. Издание Совета общекадетских объединений за рубежом / под ред. А. А. Геринга. Париж, 1962. С. 78.

⁷ Günzler, Otto; Zwink, Alfred. Oberammerngau — Berühmtes Dorf, berühmte Gäste. Drei Jahrhunderte Passionsspiel im Spiegel seiner Besucher, München: Dom-Verlag, 1950 (Гюнцлер Отто; Цвинк Альфред. Обераммергау — знаменитая деревня, знаменитые гости. Три столетия постановки Страстей Христовых в зеркале ее посетителей. Мюнхен: Изд-во Dom-Verlag, 1950). S. 61–62.

⁸ Залеская, Мария. Людвиг II. М., 2012. С. 27.

На следующих Passionsspiele – в 1880 году – среди прочих русских гостей присутствовали: тетья великого князя Константина Константиновича Ольга Вюртембергская (дочь царя Николая I) и его двоюродный брат великий князь Сергей Александрович. В то же самое время в Обераммергау приезжал герцог Георг фон Саксен-Майнинген – брат герцогини Августы-Луизы, двоюродной сестры матери поэта К. Р. и его будущей тещи...⁹. В это время двадцатитрехлетний великий князь Константин Константинович служил на флоте, находился в плавании по Средиземному морю на корабле «Герцог Эдинбургский»¹⁰.

В дневнике он не пишет, как родственники обсуждали свои впечатления (он вообще крайне редко передает подробное содержание бесед), но важнейшими для него являются две темы: **верность долгу** (молодой князь, послушный отцу – морскому министру, занимается нелюбимой, тягостной, но неизбежной флотской службой) и осмысление своего **духовного пути**: «Этот 1880 год вообще был трудным для Константина. Не случайно <...> появилась такая запись в его дневнике: "Я желал бы принять мученическую смерть. Но далеко мне до этого, не такую я жизнь веду <...> Большею частью у меня есть стремление или к самому крайнему благочестию или к необузданному разврату: редко я остаюсь в состоянии, среднем между этими крайностями. <...> То я сочиняю стихи, то пишу музыку, то готовлюсь в государственные люди. <...> Как мне досадно, что на вид я всем нравлюсь, что меня находят милым молодым человеком <...> а <...> внутри <...> гниль и всякая нечистота. Впрочем, я верую в милость Божию, я не теряю надежды сделаться порядочным человеком" <...> (13 июля)»¹¹.

⁹ Günzler, Otto; Zwink, Alfred. Op. cit. S. 77–78.

¹⁰ Матонина Э. К., Говорушко Э. Л. «К. Р». М., 2008. С. 652.

¹¹ Там же. С. 51.

В копилку духовного становления поэта К. Р. ложатся и события того года, оказавшие впоследствии большое влияние на его творчество: вышло в свет и благосклонно принято обществом собрание его стихов, он познакомился с Чайковским, который в дальнейшем будет активно подвигать поэта к работе над евангельской драмой. «Петр Ильич Чайковский, не задумываясь, воодушевлял К. Р. на создание "крупного произведения", словно подслушав желание поэта: *"Так как Вы имеете счастье обладать живым, теплым религиозным чувством (это отразилось во многих стихотворениях Ваших), то не выбрать ли Вам евангельскую тему для Вашего ближайшего крупного произведения? А что, если бы, например, всю жизнь Иисуса Христа рассказать стихами? Нельзя себе представить более колоссального, но вместе с тем и более благодарного сюжета для эпопеи"* <...> (15 октября 1889 года)¹².

Одновременно с исполнением долга земного, великий князь не оставляет своей духовной миссии – литературной деятельности, евангельская тематика в его стихах получает развитие.

Анализ стихотворных текстов мы оставим другим исследователям, предмет наших размышлений – жизнь поэта до встречи с мистерией в Обераммергау и сама эта встреча как часть пути к масштабному духовному произведению.

Убийство императора Александра II в марте 1881 года меняет жизнь всей семьи. «Потерял опору бытия и отец Константина, истинный двигатель Александровых реформ, теперь ненужный новому времени и новой власти. Константину сказали, что пропадает отец у бывшей балерины Анны Кузнецовой, с которой, оказывается, имел давнюю связь и общих детей <...> Перед плаванием на "Герцоге" Константин поделился с сестрой Олей своими мечтами о тихой семейной жизни, фантазировал, какой у него будет дом – обязательно в чисто русском вкусе, похожий на терем. Он надеялся, вернувшись из плавания, жениться. <...>»¹³.

II

Женитьбе своей великий князь придавал огромное душевспасительное значение.

24 марта 1882 года он пишет в дневнике, как получил совет поскорее расстаться с холостой жизнью: на Страстной неделе, в Афинах, на исповеди в русской церкви отец Анатолий, которому Константин покался в невозможности освободиться от противоестественных увлечений, *«...еще ниже склонился к аналою, развел руками и посоветовал мне чаще читать о Страстях Христовых и вступить в брак»*¹⁴.

Великий князь незамедлительно приступает к исполнению наказа своего духовника – не относит ли данный факт начало замысла «Царя Иудейского» на пять лет ранее срока, означенного П. Данильченко?

Уже 7 мая Константин Константинович описывает, как встретился с отцом, великим князем Константином Николаевичем, и имел с ним долгую, серьезную беседу. Обсуждались два судьбоносных для К. Р. вопроса: смена традиционной для его семьи флотской службы на сухопутную и женитьба.

Перед этой встречей Константин сильно волновался, опасаясь, что отец не поймет и не одобрит его планов.

¹² Там же. С. 576.

¹³ Там же. С. 60.

¹⁴ ГАРФ. Ф. 660. Оп. 1. Д. 19.

В итоге Папá, конечно, расстроился, но неожиданно дал согласие и на перевод в пехоту, и на выбор невесты, с одной лишь оговоркой: вступать в брак «...не из-за желания жениться во что бы то ни стало, а если полюблю»¹⁵.

После разговора с отцом К. Р. с облегчением молился в своей комнате. «Теперь гора с плеч свалилась. Остается всего один важный вопрос: пошлет ли мне Господь вскоре супругу? Дай-то Бог, а то я гибну от скверных, неестественных¹⁶ страстей и наклонностей»¹⁷.

Брак великий князь Константин Константинович видит не как формальный бюрократический акт, а как духовный союз, призванный изменить весь строй его мыслей и образа жизни. Потому чрезвычайно серьезно относится к наставлению отца: «... если мне кто-нибудь понравится, например, дочь Маруси¹⁸, не торопиться, а выждать, убедиться в своих чувствах и только тогда приступить с предложением»¹⁹.

Отныне великий князь постоянно прислушивается к движениям своей души, пристально «всматривается» в собственные мысли и чувства. Но что может понять о них юноша, обреченный любить и жениться согласно **долгу**, то есть, по строгим сословным правилам?

Любовь к Богу великий князь уже узнал, но как разобраться с любовью к женщине? Разве что уповая на Божий промысел. И он непрестанно, горячо, страстно молится Господу, просит подать знак...

Первая встреча с потенциальной невестой состоялась в мае 1882 года в Гмундене. По свидетельствам в дневнике К. Р., Мари Ганноверская не произвела на него большого впечатления, хотя он отметил милое лицо, спокойную неторопливость жестов и... **сходство с Мамá голосом и движениями**²⁰.

Ничего не решив, великий князь уезжает в Италию, однако к 20 мая возвращается в Германию для второго свидания с Мари. Но он все еще не уверен в выборе и 21 мая пишет в дневнике: «Я жду случайности и не женюсь на ком-нибудь только из желания жениться. Я жду минуты полюбить, и минута эта, надеюсь, наступит скоро»²¹.

Мы так подробно останавливаемся на переживаниях великого князя в этот важнейший период его жизни, чтобы показать, насколько серьезно и трепетно было его общение со своей собственной душой. Насколько важно было ему научиться узнавать знаки Промысла Божьего и следовать им. Для человека творческого такой диалог – основа его самовыражения.

Христианский дух, прежде чем пронизать поэзию К. Р., его драму «Царь Иудейский», формировался и укреплялся в поэте.

1882 год – год выбора жены, был, пожалуй, особенно насыщен молитвами и проведен в мучительных попытках услышать Божью волю громче, чем свою. В том его поддерживает и духовник в Афинах, письмо от которого Константин получил в Штутгарте, о чем записал в дневнике 25 мая: «Он узнал о моем намерении жениться и дает прелестные советы: побольше молиться и возложить все упования на Бога»²².

¹⁵ Там же.

¹⁶ Подчеркнуто К. Р. (Прим. С. С.).

¹⁷ ГАРФ. Ф. 660. Оп. 1. Д. 19.

¹⁸ Дочь Марии Ганноверской Марию прочила Константину в жены его мать Александра Иосифовна. (Прим. С. С.).

¹⁹ ГАРФ. Ф. 660. Оп. 1. Д. 19. Л. 27.

²⁰ Там же. Л. 30.

²¹ Там же. Л. 33.

²² Там же.

Князь уповает, но как узнать: «она» или «не она»? Он мечется, страдает, но держится твердо в ожидании знака свыше. Для него выбор супруги – вопрос **спасения души**. В дневниковых записях о важнейших событиях жизни с момента венчания станет присутствовать слово «жена». Но относиться оно будет не к Мари Ганноверской...

Точку в метаниях великого князя относительно Мари поставил сопровождавший его генерал-адъютант Шестаков, о чем Константин Константинович записал в дневнике 29 мая 1882 года: «...на мой вопрос он ответил: "Вам не под пару!"»²³.

Все, решение принято. Великий князь смущен, расстроен – это понятно, ведь жениться надо, для этого **надо** полюбить, а сословные требования сильно ограничивают выбор невесты, и мало времени...

Мама́ раздражена, ганноверская родня обижена, но... **спасение души не может сопровождаться изменами ей.**

Князь едет в Штутгарт, оттуда в Баден-Баден, затем во Франкфурт... Мысли о необходимости брака не оставляют его, и он продолжает горячо молиться, прося у Господа послать ему суженую. Если бы он только знал, с какими душевными мучениями столкнется, когда найдет ее...

Прибыв 9 июня в Альтенбург, Константин Константинович попадает на похороны своей троюродной сестры пятнадцатилетней Маргариты Саксен-Альтенбургской.

В церкви он знакомится с родными сестрами покойной – Марией и Елизаветой. Может ли быть что-либо более мистически-таинственным и трогательным для поэтической души, чем первая встреча под траурный марш Шопена?

Одетая в траур шестнадцатилетняя Елизавета посмотрела на князя из-под черной вуали большими глазами «...как-то странно: печально и дружески, пытливо и вопросительно. Что хотели сказать эти глаза?»²⁴.

III

Они перебросились несколькими словами, немного побеседовали за обедом и на прогулке... Князь страдает: он снова в сомнениях прислушивается к своему сердцу, юная Елизавета тоже грустна: она потеряла любимую сестру.

Резонанс чувств усиливается, когда в общении, пусть не слишком тесном, обнаруживается общность взглядов и темпераментов. Положительное впечатление от первого взгляда на Елизавету Саксен-Альтенбургскую не рассеется у князя ни после второго, ни третьего (четвертая встреча будет уже на свадьбе) – не отсюда ли берет начало чувство, которое свяжет их навсегда? Любовь?

²³ ГАРФ. Ф. 660. Оп. 1. Д. 19.

²⁴ Там же.

Не в современном понимании, но промыслительно, через высшее благословение – да. Великий князь намолил себе супругу и принял Божью волю как свою: Елизавета стала его избранницей.

Но до венчания и даже до сватовства все еще очень далеко. Пройдет много времени в душевном напряжении, в молитвах и ожидании, пока два царских двора – русский и прусский – сговорятся и Константин отправится в Альтенбург просить руки Елизаветы. Ожидая решения тети Августы и дяди Морица, великий князь проведет вторую половину года в Италии.

Встречи с великими произведениями искусства, посещения храмов, размышления о Боге и молитвы, непрестанная борьба со своими пороками и стремление к очищению души.

Флоренция, 24 октября: «Я заметил, что чем смиреннее, не переминаясь с ноги на ногу, стоишь в церкви, тем лучше и внимательнее молишься...»²⁵. Там же, 22 ноября: «С Папá посетили службу в католической церкви. Очень понравилось. И снова восхищение смирением и кротостью Спасителя...»²⁶.

В то же время князь изучает «Историю христианства в России», а через все дневниковые записи рефреном проходят мысли о Елизавете, о том, даст ли Господь ее в жены или придется искать другую невесту?

Из Петербурга от Мама́ приходят то тревожные новости о намерении родственников отклонить кандидатуру Константина в женихи, то совершенно противоположные.

Князь горячо молится.

Путешествие в компании с Папá раздражает, но друзья указывают на то, что неприятные черты в характере отца – вспыльчивость, страстность, тщеславие – присущи и самому Константину, и он молится об избавлении от страстей.

В конце ноября князь с волнением пишет о том, что задержка с решением Саксен-Альтенбургских относительно его брака с Елизаветой может повлиять на карьеру: «Если, вернувшись домой, поступлю в какой-либо полк, неприлично будет ранее года брать отпуск для поездки в Альтенбург и сватания...»²⁷.

Верность долгу не только на службе, но и в личной жизни, августейший поэт пронесет через всю жизнь.

²⁵ ГАРФ. Ф. 660. Оп. 1. Д. 20.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же.

IV

Рождество 1882 года и новый, 1883-й, год великий князь встречает в Афинах в семье «королевы эллинов» – любимой сестры Ольги Константиновны.

Домашняя обстановка, милые сердцу люди, но... *«У меня привязанность к Кирееву выражена довольно сильно. Я тоскую без него. <...> Тоскую и по Елизавете. Думается, что как грустно дожить до 25 лет почти и не испытать еще счастья высшего. Первая молодость начинает проходить, я вступаю в более благоразумный возраст... Елизавета или, скорее, мечта о ней не выходит из головы»²⁸.*

В дневнике великого князя зима 1882–1883 годов полна противоречивых сообщений, тревожного ожидания и молитв.

В декабре Мамá пишет Константину в Рим, что его дело считается проигранным, он отзывается на эту весть записью *«... я стал молиться Богу...»*.

Папá дает совет: *«...не питать воображение загадочными мечтами...»*, князь пишет: *«я молился Богу, решившись спокойно ждать...»*, в письме из Альтенбурга 9 декабря тетя Тереза (сестра матери Елизаветы) предлагает «бросить напрасные ожидания», однако Константин не бросает, а снова и снова обращается к Богу...²⁹.

Сестра Ольга Константиновна его поддерживает, старается отвлечь, но внешне спокойный и увлеченный светской жизнью Константин Константинович, внутренне напряжен.

Вплоть до весны 1883 года, до сватовства и начала новой службы в Измайловском полку, князь поверяет дневнику путь своей души: молитва и покаяние, покаяние и молитва...

И это не просто работа над собой, это работа над будущим духовным произведением «Царь Иудейский», которое пока еще даже не задумано.

Наконец, *по молитвам дадено*: в середине января в Альтенбурге возвращаются к рассмотрению кандидатуры великого князя, и в феврале Романовы получают согласие на брак.

Одно дело решено: Елизавета будет его женой. Теперь на первый план выходит служба. Константин Константинович возвращается в Петербург и в апреле приступает к командованию ротой лейб-гвардии Измайловского полка. Тогда еще никто не подозревает, что в 1914 году измайловцы станут первыми исполнителями драмы «Царь Иудейский».

Однако до этого знаменательного события еще пройдут десятилетия, в которых можно выделить три неравных отрезка пути к Страстям Христовым в трактовке К. Р. – замысел, написание и постановка. Самым долгим, почти 20 лет, будет первый.

Верой в Бога и верностью долгу этот труд поэта неявно, глубинно окажется связан с народной мистерией в Обераммергау: как четыре века жители деревни держат свой обет Богу, так до окончания земной жизни великий князь будет верен своему, данному перед алтарем 15 апреля 1884 года.

Брачные узы станут для Константина Константиновича и Елизаветы Маврикиевны узами истинно духовными. Дневниковые записи великого князя свидетельствуют о необычайно бережном, внимательном, доверительном семейном союзе, в каком только и могли родиться прекрасные дети и поэтические произведения.

Согласие между Константином и молодой женой начало складываться с первых дней брака, несмотря на его опасения и даже желание сбежать со свадьбы, о чем он поведал Ольге

²⁸ Там же. Л. 113.

²⁹ Там же.

Константиновне и после записал в дневнике: *«Мысль лечь с женой в постель была мне противна, я в том признался Оле. Я бы убежал, если бы можно было. Вместе с тем я чувствовал себя обязанным быть нежным с женой»*³⁰.

Снова долг и вера поставлены превыше всего и вознаграждены как подвиг счастьем: юная, совсем еще девочка, Елизавета проявила женскую мудрость. Она не жеманилась, не торопила события, во всем слушая мужа и следуя за ним.

15 апреля 1884 года молодые прошли утомительные венчальные обряды сначала по православному обычаю, потом по лютеранскому. Елизавета Маврикиевна не приняла крещения в православие, но весь семейный уклад вела по православным канонам, а Константин Константинович не вмешивался в духовные дела жены. Их общение с Господом шло на таких духовных высотах, где нет места обрядоверию. Великий князь мог одинаково горячо молиться и на католических мессах в Италии, и на православных литургиях в Петербурге, а позже сумел обойти синодальные ограничения и исполнить мечту всей жизни: дать народу очистительное духоподъемное зрелище – «Царя Иудейского». То, что народ оказался не готов стать его зрителем, – тема отдельного разговора...

После венчания новобрачные принимали поздравления, визиты гостей и практически не оставались одни. А 18 апреля, едва великий князь вошел в спальню супруги пожелать доброго утра, приехал нарочный: в роте, которой командовал Константин Константинович, умер рядовой, и Елизавета отнеслась с пониманием к необходимости ехать на погребение. Такое вот мистическое совпадение: первая встреча – похороны и первая брачная ночь – после похорон...

Но все случилось как нельзя лучше. 19 апреля 1884 года великий князь запишет в дневнике: *«Она моя жена. Я давно не был так счастлив. Но не любовь к жене так радовала меня, нет, а то, что развеялись все опасения, мучившие меня с самой помолвки. Мы ни стыда, ни смущения не испытывали и стали гораздо ближе друг к другу. Я теперь люблю ее, расстаться с ней кажется было бы для меня горем. Я усердно молился и от души благодарил Бога»*³¹.

V

Как и надеялся князь, после женитьбы строй его мыслей и образ жизни сильно изменились. Хотя грехи не отпускали, но **уже он не был одинок на поле духовной битвы.**

В ноябре 1884 года состоялось событие, значение которого скажется позже на всем творчестве К. Р.: великим князем был учрежден литературно-художественный кружок для офицеров лейб-гвардии Измайловского полка с целью *«доставить участникам возможность знакомить товарищей со своими трудами и произведениями различных отечественных и иностранных деятелей на поприще науки и искусства, но непременно на русском языке. Поощрить участников к развитию их дарований. Соединить приятное препровождение свободного времени с пользой. Посредством обмена мыслями и мнениями способствовать слиянию воедино полковой семьи и, наконец, передать измайловцам грядущих поколений добрый пример здорового и осмысленного препровождения досужих часов...»*³².

Творческие плоды К. Р. того времени – стихи и переводы – первыми будут узнавать измайловцы на «Досугах».

³⁰ Там же. Л. 46.

³¹ Там же. Л. 52.

³² Матонина Э. К., Говорушко Э. Л. Указ. соч. С. 253.

Плоды супружеской жизни также не замедлят появиться: через 14 месяцев у великокняжеской четы родится первенец Иоанн, еще через 11 – Гавриил, следом в январе 1890-го (год очередных Passionsspiele в Обераммергау) – Татиана, еще через год – Константин, еще через год – Олег...

Князь был занят служебными делами, семейными хлопотами и творчеством, не отдавая чему-то одному однозначного предпочтения. На первом месте оказывались то стихи, то служба, то семья, при этом подспудно, как невидимая со стороны подводная часть айсберга, формировалась идея духовного произведения и уже началась мыслительная работа над драмой.

26 сентября 1888 года в дневнике К. Р. появляется запись: *«Что же делать, когда я не могу создать драму. Неужели же я никогда не смогу этого? Может быть, я рожден лириком, а во что бы то ни стало хочу попасть в драматурги? Я не знаю, как расположить сцены. Как выставить характеры и найти наиболее сценичные сопоставления. Надо проникнуться и духом языка того времени. Все это представляет мне немало трудностей. Но работа меня увлекает <...> хочется избежать однообразия и недостатка действия, что так утомительно и скучно в театральных пьесах»*³³.

В Обераммергау Константин Константинович впервые приедет осенью 1894-го. Поездка эта станет частью визита великокняжеской четы на родину Елизаветы Маврикиевны, и ей не помешает рождение в мае шестого ребенка – князя императорской крови Игоря.

Десять лет супружеской жизни не остудят чувств и не изменят отношений между Константином и Елизаветой.

16 апреля 1894 года великий князь напишет в дневнике: *«...утром мы нарочно пили кофе с женой в углу моей приемной как 10 лет назад, на другой день после нашей свадьбы. С той поры та только разница, что теперь тут было с нами 5 человек детей. Подарил жене брошку <...>»; 27 июня: «...жена впервые после родов надела вместо халата платье. Фигура, несмотря на 6 ребенка, у нее красивая и стройная, плечи стали шире и талия кажется тоньше...»; а 19 сентября супруги уже будут в Альтенбурге*³⁴.

Они навещают родственников и друзей, но поездку омрачают сообщения из России о тяжелой болезни императора Александра III.

Альтенбург, Мюнхен, Гмунден, Кельн, Штутгарт...

Вся поездка пронизана тревогой, ожиданием развязки, которая и случится в октябре.

Смерть и похороны государя вынудят великокняжескую чету поспешно вернуться в Санкт-Петербург. Князь подробно расскажет об этом в дневниковых записях, но Обераммергау там не будет места. О том, что посещение деревни все-таки состоялось, мы читаем в воспоминаниях дочери Татианы: *«В Обераммергау Родители заказали очень большое из дерева Распятие, которое висело в Стрельне над их постелью. Совсем темный крест, а на нем выделяется белый распятый Христос, искусно вырезанный. <...>»*³⁵ и в дневнике самого великого князя шесть лет спустя: *«Были в мастерских Каульбаха и знаменитого Ленбаха. Последнего я знаю еще с 1894 года, когда мы с женой у него были»*³⁶.

В тот год Passionsspiele не ставились. Мистерия состоится в 1900 году, и великий князь специально поедет в Обераммергау, чтобы увидеть ее...

³³ Там же. С. 573.

³⁴ ГАРФ. Ф. 660. Оп. 1. Д. 41.

³⁵ Сборник памяти великого князя Константина Константиновича. С. 59.

³⁶ ГАРФ. Ф. 660. Оп. 1. Д. 47.

В 1900 году великий князь учреждает Пушкинское литературное общество и получает назначение на должность попечителя военно-учебных заведений Российской империи. В феврале он отправляется в продолжительную поездку по России, потом по Германии.

В конце апреля он в Альтенбурге. С ним жена и дочь Татяна. 27-го они выезжают обратно в Россию и 21 мая прибывают в Петербург.

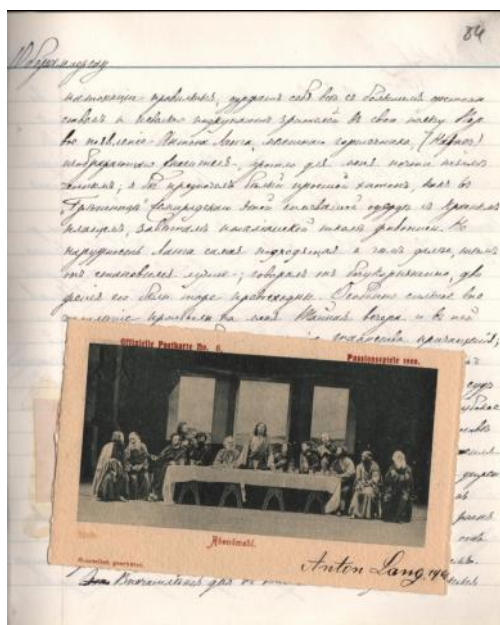
Всего месяц передышки – и 24 июня 1900 года Константин Константинович снова отправляется в путь. На этот раз один, без семьи, в сопровождении только своих адъютантов. Этот визит будет коротким, ведь представление Страстей Христовых в Обераммергау длится всего один день.

Утро 27 июня 1900 года князь встретит в Гмундене, где примет участие в светских мероприятиях, и через неделю – вечером 8 июля – отправится в Обераммергау.

9 июля он будет присутствовать на представлении Страстей Христовых в компании с министром финансов Сергеем Юльевичем Витте, русским дипломатом Александром Ивановичем Нелидовым, князем Львовым, гофмаршалом Бенкендорфом и другими русскими аристократами³⁷.

Пройдет еще девять лет, прежде чем К. Р. приступит к написанию «Царя Иудейского». Затем последуют три года активной работы до первого чтения на заседании «Измайловских досугов», после еще два года доработки, переписки с Синодом и наконец в январе 1914 года Эрмитажном театре состоялась долгожданная премьера.

Постановка осуществилась силами членов литературного кружка «Измайловские досуги» под руководством П. Данильченко. Состав участников был огромен – более 200 человек, в том числе два генерал-майора, 22 капитана, 40 поручиков и подпоручиков. Сам К. Р. исполнил роль Иосифа Аримафейского, его два сына – Константин и Игорь – исполняли второстепенные роли.

Сотрудник Музея истории Санкт-Петербурга, член Русского генеалогического общества, общества «Константиновские досуги» Т. В. Герхен пишет: «Драму «Царь Иудейский» называли мистерией из-за ее содержания, но в исполнении ее можно усмотреть незначительную аналогию с Обераммергау: исполнителями были в основном любители-измайловцы, объединенные службой в одном полку и общим казарменным бытом»³⁸.

Нам кажется, сходства больше, но оно существенно глубже.

Вряд ли будет корректным сравнение текстов народной мистерии в немецкой деревушке и драмы К. Р. Они и не могут быть явно схожими хотя бы из-за совершенно разных религиозных правил для театральных зрелищ у протестантской и православной церквей.

³⁷ Günzler, Otto; Zwink, Alfred. Op. cit. S. 110–112.

³⁸ Герхен Т. Закулисье далеких событий // Нева. 2003. № 5. С. 51–69.

Описание представления в дневнике великого князя от 10 июля 1900 года довольно скупое, хотя впечатление, по его словам, было сильным – до слез. Оно стоит того, чтобы привести дословно:

«Прибыли в дождь, который шел весь день. Поселился в Osterbicht hotel, просто и уютно.

Здесь просто деревушка, многие жители носят национальный костюм

с голыми коленями и щиколотками. Обераммергау лежит в живописной долине, окаймленной живописными горами.

*То и дело встречаются мужчины и дети с длинными, распущенными по плечам волосами: это все участники мистерии. <...> Незначительное местечко благодаря наплыву приезжих обратилось в людный городок. <...> В 8 ч. утра мы уже сидели под большим навесом театра. Первое появление Антона Ланга, местного горшечника, изображающего Спасителя, прошло для меня почти незамеченным, я бы предпочел простой белый хитон как в Грешнице Семирадского³⁹ <...> Особенно сильное впечатление произвели на меня Тайная вечеря и в ней омовение ног и особенно учреждение таинства причащения, **тут я не мог удержать слез** (выделено мной – С. К.). Потом потрясающим образом подействовали на меня моление о чаше, суд Пилата, несение креста и снятие со креста. Глубокое благочестие, с которым все это изображалось, благоговение исполнителей, их простота – все это не поддается описанию. Представление разделено на две части – утреннее и дневное; первое от 8–12 заканчивается лобзанием Иуды, второе длится от 2¼ до 5½. Во время картины распятия была гроза: гремел настоящий гром <...> Впечатления дня в высшей степени умилительные»⁴⁰.*

Да и не это главное. Важнее то, что, несмотря на различия в содержании, и та, и другая постановки по сути своей – верность обету, пожизненное покаяние и духовный путь – к Богу. В одном случае – сотен людей из немецкой провинции, в другом – одного Поэта, жившего в исчезнувшей ныне царской России.

Зрителем последних перед революцией в России Passionsspiele в 1910 году станет самый близкий Константину Константиновичу сын Олег. Но впечатления юноши, не переживавшего мучительной духовной битвы с самим собой, конечно же, будут отличаться от отцовских.

³⁹ Очевидно, имеется в виду картина Генриха Семирадского «Грешница».

⁴⁰ ГАРФ. Ф. 660. Оп. 1. Д. 47. Л. 82–84.

В дневнике великого князя Константина Константиновича за 1900 год между страницами 82 и 84 лежит открытка с изображением сцены Тайной вечери Passionsspiele 1900 года с автографом исполнителя роли Спасителя, горшечника Антона Ланга.

Несомненно, Константин Константинович хотел бы оказаться на его месте...

Постскриптум от автора

Очередная постановка мистерии «Страсти Христовы» в Обераммергау из-за пандемии перенесена с 2020 года на 2022-й. Представления начались 14 мая, закончатся 2 октября. Всего в ходе 42-го сезона силами жителей деревни будет показано 110 спектаклей.

Следующие Passionsspiele запланированы на 2030 год.

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ

Русский андеграунд: поэты-смогисты

Ян Бруштейн

(Москва)

Поэт и прозаик. Кандидат искусствоведения. Лауреат конкурсов им. Н. Гумилева и им. Н. Некрасова, премий журналов «Зинзивер», «Зарубежные записки» и газеты «Поэтоград». Работал в редакциях газет «Ленинец» и «Рабочий Край», на телевидении, преподавал историю искусств в Ивановском текстильном институте. Член Союза российских писателей и Союза писателей XXI века.

О ЛЁНЕ ГУБАНОВЕ...

Не могу представить: Лёне Губанову сегодня стукнуло бы 76 лет!

Он, оказывается, всего на год меня старше... А мне в 65-м Лёня казался недостижимо взрослым, состоявшимся поэтом... каким, впрочем, он уже и был.

В том году семнадцатилетним пацаном я, приехав из Пятигорска, поступил на отделение классической филологии в МГУ. Что меня туда занесло? Красивое название, видимо.

Учился я через пень-колоду и был бы, думаю, с позором изгнан за неуспеваемость где-то после летней сессии. До изучения ли мертвых языков мне тогда было... Куда интереснее жаться по углам, сгорая от смущения, в мастерских Вадима Сидура и Эрнста Неизвестного, слушать умных людей, порой даже поющих, как, например, казавшийся мне совсем старым красавец Галич... Бегать за портвейном и даже распивать эту гадость с великим и ужасным гением дядей Толей Зверевым... Ездить в логовища авангардных художников – в Лианозово и Абрамцево...

В университете я сразу пришел в местное литобъединение «Бригантина». Там были хорошие поэты – Миша Шлаин, Саша Бродский. Они меня называли юнгой и во время многочисленных поэтических вечеров выпихивали на сцену коммунистической аудитории, отбирая для этого самые мои «романтические», а попросту дурацкие стишки.

На одном из таких вечеров, втором или третьем, произошел скандал: во время произнесения виршей каким-то комсомольским поэтом в рядах начали вскакивать некие молодые люди и выкрикивать свои тексты, из которых я улавливал лишь отдельные, но такие непривычно сильные и образные строчки. А на сцену был брошен клоч бумаги, на котором читалось:

Сидят поэты в «Бригантине»,
Как поросята в тине.

Нарушителей спокойствия вывели из зала строгие дружинники, но вслед за ними «вывелся» и я. Как за дудочкой крысолова. Так и оказался неподалеку от смогистов – Лёни Губанова, Саши Величанского, Володи Алейникова... Увы, совсем ненадолго.

Чаще всего я оказывался в компании Лёни – он меня завораживал своей силой, яркостью и, главное, стихами. Почему-то именно меня чудесный Губанов любил брать с собой в гости – к древней Лиле Брик, к Галичу и даже, к моему ужасу, к самой Анне Андреевне!..

Нередко Лёня, как я ни брыкался и ни смущался, заставлял меня читать свои стихи. И я дрожащим голосом выкрикивал:

Какая тишина была в России –
 Как будто в лодке с поднятым веслом,
 И если на Оби траву косили,
 То это слышно было под Орлом,

И лошади, забыв воды напиться,
 Тревожно замирали на ветру,
 И женщин зачарованные лица,
 Словно рассвет, вставали поутру.

Какая тишина над миром встала!
 Безбрежная, как поле, тишина.
 Когда трава под Курском проросла,
 То на Оби она была слышна.

И женщин зачарованные лица
 Ловили гулкой отзвук тишины...
 Она лежала, как лежит граница
 Войны и мира, мира и войны.

Членом СМОГа так и не стал – по молодости, робости и неприхотливости текстов. Но на Маяковке со стихами засветился и даже был удостоен визита, пользуясь термином Аксенова, в «прокуренцию».

Так что с греко-римского отделения меня поперли уже не столько за учебное разгильдяйство, а скорее за не те, не там и не с теми читанные стишки.

И отправился я на три невозможно длинных года в армию, умудрившись зацепить даже небольшую малоизвестную войну. Но это, как принято говорить, совсем другая история...

Мой город

Всё было там, где утро коченело,
 Где с головой не соглашалось тело,
 Я шёл из Петербурга в Ленинград.
 Названья улиц плыли и двоились
 Как будто в мыле заново творились
 И Зимний, и мосты, и Летний сад.

Моя походка становилась вещей,
 Спина прямее, и другие вещи
 Вдруг вызревали на моих плечах.

Дома росли, и поднимались втрое,
 Уже я был мальчишкой и героем
 Весь при ремне, фуражка на ушах.

Я шёл из школы через три квартала,
 И жизнь меня за фалды не хватала,
 А тихо, словно за руку вела.
 Я в дом врывался: «Вот пятёрка, мама!»
 И маму обнимал, и рос упрямо,
 Пришёл я в Ленинград, и все дела.

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ

Русский андеграунд: поэты-смогисты

Леонид Губанов

Сиреневый кафтан моих обид...
Мой финиш сломан, мой пароль убит.
И сам я на себя немного лгу,
скрипач, транжир у поседевших губ.

Но буду я у родины в гостях
до гробовой, как говорится, крышки,
и самые любимые простят
мой псевдоним, который стоит вышки.

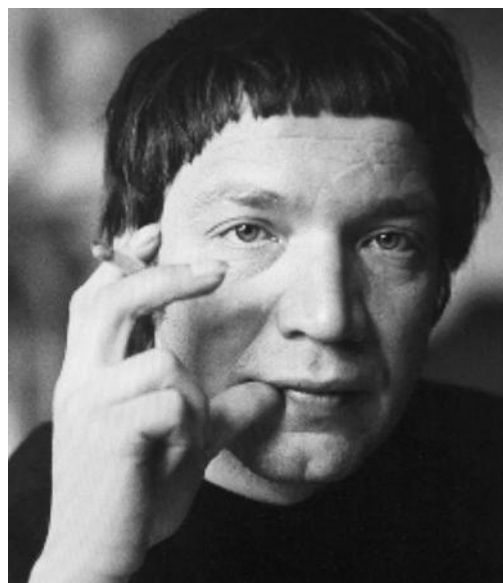
Я женщину любимую любил,
но ничего и небосвод не понял,
и сердца заколдованный рубин
последнюю мою молитву отнял.

Гори, костер, гори, моя звезда.
И пусть, как падший ангел, я расстрелян,
Но будут юность в МВД листать,
когда стихи любовницы разделят.

А мне не страшно, мне совсем светло,
земного шара полюбил я шутки...
В гробу увижу красное стекло
и голубую подпись забудки.

Вот шарик заколдованный...

Вот шарик заколдованный...а вот
Все те же мысли старенького неба,
И тучных туч таинственный приплод,
И молнии — автографами нерва.
Слепой монах, малиновый кисель,
И снова чертом перечеркнут вексель,
По коему я должен бы висеть,

А я румян да и чертовски весел.
Куда смотреть карандашам, когда
И библию я выучил по солнцу,
Я примеряю рифмы, словно кольца...
Чем меньше тень, тем царственной звезда!

Написано за три дня до смерти.

В твоих глазах закат последний,
Непоправимый и крылатый,
Любви неслыханно-весенней,
Где все осенние утраты.
Твои изломанные руки
Меня, изломанного, глядят,
И нам не избежать разлуки
И побираться Христа ради!
Я на мосту стою холодном
И думаю — куда упасть...
Да, мы расстались, мы — свободны,
И стали мы несчастны — всласть...

Сентябрь 1983

BazART

Знакомьтесь:

художник *Екатерина Клочкова*
(Москва)

Член Московского союза художников

«Яркие краски фресок...»

17 сентября 2022 в галерее BazART (МОССАЛИТ) в КЦ «Внуково-МВТ» открылась выставка «РУССКИЙ СЕВЕР» художника Екатерины Клочковой. Были представлены работы, выполненные маслом, акварелью, смешанной техникой, а также графика. Натюрморты, пейзажи, этюды отличаются яркостью и профессионализмом.

На вопрос: «Какой ваш любимый цвет?» Екатерина ответила, что при работе с цветом она ориентируется на яркие краски русских фресок: голубые, золотые, розовые, зеленые, кобальтовые.

Екатерина Клочкова, художник, член Московского союза художников с 2009 года.

С детства много рисовала, занималась в художественной студии, затем поступила в Московскую Художественную школу № 1 (ДХШ им. Валентина Серова).

Окончила МАХУ им. 1905 года педагогический факультет, а после училища поступила в Московский государственный академический художественный институт имени В. И. Сурикова при Российской академии художеств в мастерскую П. Ф. Никонова. «По сей день Павел Федорович Никонов, великий мастер и необыкновенный человек, служит примером и творческой опорой для многих молодых художников», – говорит Екатерина.

В 2021 году Павел Федорович стал куратором выставки Екатерины Клочковой, которая проходила в выставочном зале Товарищества живописцев Московского союза художников (ул. Тверская-Ямская, 20), где было представлено около сорока ее живописных холстов, также графика. На протяжении всей творческой жизни Екатерина участвует в персональных и коллективных выставках Москвы, России и зарубежом.

В 2000-х гг. Екатерина Клочкова работала над такими социальными темами-сериями, как «Мясники» (работы выставляли на биеннале в Третьяковке), «Москва и москвичи».

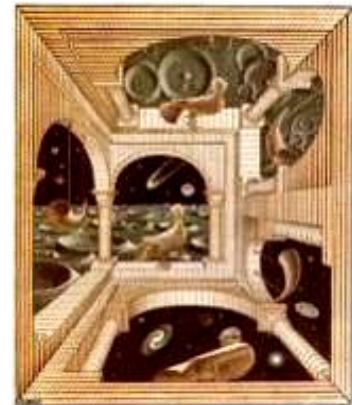
«Сейчас я работаю над темами, посвященными России. Это пейзаж, портреты, композиции, а если говорить точнее, то это темы русского Севера. Серия «Русский Север» посвящена Ярославской области», – говорит Екатерина Клочкова.

Кроме того, художник преподает живопись и композицию в КМТИ им. Г. П. Вишневской на художественном отделении.

ПОЭЗИЯ

Сергей Ермаков

(Ростов-на-Дону)

Однажды

Косыми дождями пролившись на крышу,
Становимся старше, бледнее и тише.
Уходим, царапая числа и даты,
За солнцем, прибитым лучами к закату.

Все наши манеры, привычки, повадки
Жестоко ломаем в отчаянной схватке.
Из завтра в сегодня стекая ручьями,
Все больше молчим, пожимая плечами.

Едва уловимо, стыдливо и робко,
Почти задыхаясь в бетонных коробках,
Кровавыми пальцами тянемся к струнам.
Так грешники тянутся к Ванге и Джунге.

Отчетливо видим чужими зрачками,
Как прошлые дни превращаются в камень,
Как время сквозь раны на теле сочится,
Вгрызается в горло клыками волчицы.

Казалось, мы будто отлиты из стали.
Истерлись, поблекли, ослабли, устали.
Казалось, что завтра все будет иначе,
Пароли и коды получим на сдачу.

Границы размыты, разрушены, стерты.
Уютно устроившись в зоне комфорта,
Врастаем в свои же темницы и клетки,
Сгораем мгновенно бумажной салфеткой.

Играем, не зная ни прикуп, ни правил,
Ни четких инструкций, ни кто нас направил.
С ладоней стираем свои отпечатки,
И трогаем мир медицинской перчаткой.

Однажды, в разгар рокового веселья,
Мы спрыгнем в мечту с заводной карусели,
Ворвемся в реальность забытыми снами...
И чудо случится... Однажды... Не с нами.

Когда душа...

Когда душа – забытый водоем,
В котором между правдой и враньем,
В размытом отражении своем
Не сыщешь Бога,

Идешь ко дну, предчувствием влеком,
Что, вероятно, нет Его ни в ком...
А Бог тебя щекочет плавником
И смотрит строго.
В Его глазах – спасительная твердь.

И если в отражение смотреть –
Совсем не обязательно мертветь
Душой и телом.

Вот, погляди, вода чиста вполне,
И вот твой Бог – внутри, а не вовне.
Он плавает с тобой на глубине.
Ей нет предела...

Правды нет

Ты хочешь правды? Правды нет.
В почти исписанной тетради
Слова – последняя награда...
Ты их окрасил в черный цвет.

Ответь, как часто видишь сны?
Сгниет полученное даром.
Все сны кончаются кошмаром.
Морозом веет от весны.

Ты ищешь правду? Правда – там,
Где ветер рвет и треплет ставни,
Где все заставлено крестами,
И нет числа таким крестам.

Как много правды прячет смерть.
В ее простом, как пыль, портрете
Ты ищешь верные ответы...
Не зная правды и на треть.

Как часто в горькой правде – суть,
На миг взлетев искрой шипящей,
Сгорит в суровом настоящем...
И ветры пепел разнесут.

Ты хочешь правды? Правды нет.
Она, без имени и даты,
Ушла... исчезла на закате...
И забрала с собой ответ.

Твоя любовь

Она и звезды тебе включала,
И морем билась о твой причал,
И так упрямо рвалась в начало,
Чтоб в самом чистом из всех начал –
Какая дерзость – опять и снова
С тобой случиться назло ветрам,
Оставшись верной своей основе,
Надежно спрятав следы от ран,
Сдвигая стены, впуская ветер,
За хвост сомненье стянув с плеча,
Добавив уйму больших отметин,
И сердцем в ребра тебе стуча,
Горячей кровью струясь по венам,
Тепло в ладонях своих храня,
Девчонкой, самой обыкновенной,
За шею нежно тебя обняв.

Коса, веснушки, в ромашках платье,
Смешная родинка на носу.
Твоя любовь. И твое проклятье.
И рай земной. И небесный суд.

Екатерина Клочкова.
Серия «Русский Север.
Ярославской области посвящается...». Акварель.
2022 г.

Здесь нет ничего...

Здесь нет ничего, кроме белого шума.
Бескрайний вселенский простор...
Я просто однажды все это придумал
И тряпкой по жизни растер.

Я выдумал день, защитившись от ночи,
Раскрасил его, как сумел.
Но каждый мой день надо мною хохочет,
Бросается сотнями стрел.

Бумажным корабликом в стынущей луже
Плыву под колючим дождем.
И только ветрам я по-прежнему нужен,
Я ими повторно рожден.

Лишенный простой человеческой ласки,
Придумал свой внутренний мир.
Себя феерически спрятал под маску,
Закрылся стальными дверьми.

Я выдумал ложь, будто средство защиты.
Но разве она защитит?
Ведь ложь оказалась плющом ядовитым,
И я им по горло обвит.

Придумал основу, фундамент, идею
И целую россыпь дорог,
В надежде, что стану сильней и смелее,
Но, как оказалось, не смог.

Как трудно дышать в маскарадном костюме,
Как тесно в нем день ото дня...
Прости, я действительно это придумал,
А кто-то придумал меня.

Здесь нет ничего, кроме белого шума.
Бескрайний вселенский простор...
Я просто, однажды, все это придумал,
И тряпкой по жизни растер.

Побег

Только б цель оправдала средства...
Опасаясь людских даров,
Мы решили спастись бегством
В самый лучший из всех миров.

Ты – ночным вылетаешь рейсом,
Я – в последний сажусь вагон.
В облака... По трамвайным рельсам...
Будто не было ничего,

Что осталось на старой пленке,
Нашу жизнь превратив в игру...
Ты – спасаешь во мне ребенка,
Я – твою заслоняю грудь.

Ветер бьет по щекам и режет,
Гулким эхом в ушах шумит.
Этот жуткий протяжный скрежет
Ощущается в нас самих.

В нас, рожденных в прямом эфире...
В нас, презревших ручной режим,
Слишком много былых кумиров...
Ставь на паузу... И бежим.

Дальше будем общаться в чате.
Мы и есть этот самый чат –
Отправитель и получатель.
Нас придумают и включают

В адреса, телефоны, сети...
Словно звенья одной цепи,
Мы друг друга однажды встретим
На просторах чужих IP.

Бабушке

Бабушка, знаешь, сын победил в забеге.
Всех обошел, впечатляющий выдав финиш...
Взяли котенка... Белый... Белее снега...
Солнечный зайчик живет за стеклом графина...

Мне, представляешь, снятся твои оладьи,
Липовый мед с ароматным цветочным чаем.
Прошлое – бледный призрак на водной глади
Старого озера. Бабушка, я скучаю.

Знаешь, родная, время бежит быстрее,
Сломанной костью безмолвно вращая в годы.
Я безгранично верил, ломая стрелы,
Что непременно смогу обрести свободу.

Там, за давно забытой, заветной дверцей,
Время пульсирует медленно и тревожно,
Как родничок на темени у младенца.
Только к нему прикоснуться довольно сложно.

Часто я вижу в зеркале странный образ.
Чуть приближаюсь, и он моментально тает.
Жизнь – не поэзия, горстка суровой прозы.
Бабушка, я постоянно ее читаю.

Серые дни покрывают защитным лаком...
Время – целитель, который совсем не лечит.
Бабушка, знаешь, я просто давно не плакал.
Милая, знаешь, наверное, больше нечем.

Тебе

Волны крадут стыдливо
Замков твоих песок.
Берег внутри залива
Лентой наискосок

Прочно вырастает в море,
Пеной искрясь в лучах.
Счастье мое и горе,
Что на твоих плечах?

Скоро случится вечер,
Копья свои подняв.
Время совсем не лечит,
Воском течет по дням.

Как же прожить без боли,
Греясь чужой бедой,
Если ты вся из соли?
Плачешь морской водой...

Все эти лица, тени...
Словно прося займы,
Ты ведь уйдешь не с теми
В клетку своей тюрьмы.

Вот, посмотри, как тонет
Солнце, упав с ножа.
Хлопнем ему в ладони,
Руки свои разжав.

Рви тишину на части
Криками птичьих стай.
Стань бесконечным счастьем,
Зернами прорастай.

И полетишь к Венере,
Ляжешь под поезда.
Только, прошу, поверь мне.
Я тебя воссоздам.

Нам ведь совсем не сложно
Вмиг разобрать леса,
И возвести над ложью
Лестницу в небеса.

Ты лишь сыграй на трубах
Ветра скупой мотив,
И, поцелуем в губы
Жутко меня смутив,

Нежно поправь свой локон
В первых лучах зари.
Мир – без дверей и окон.
Он – для тебя. Бери.

Мальчик

В мире душевной боли и детских травм
 Я подставляю руки семи ветрам.
 Память костлявым пальцем скребет висок,
 Сыплет в мои ладони тоски песок.

Злые ветра плюются песком окрест –
 В сотни истлевших душ, опустевших мест.
 Раненым зверем воют со всех сторон,
 Кружат голодной стаей слепых ворон.

Я подношу ладони к немому рту.
 Вместо песка в них горькой обиды ртуть –
 Тяжкая ноша, слишком большая дань
 Крепкой рукой сжимает мою гортань.

Странное чувство – я уничтожен, стерт.
 Собственноручно небо швырнув в костер,
 Руки тяну коснуться того костра.
 Пеплом седым в ладони ложится страх.

И прорастает болью в живой груди –
 Там, где чудесный мальчик во мне сидит.
 Шепчет упрямо: «Я – это ты. Привет.
 Ты – это я. Достаточно нам реветь.

Ты заплутал в бескрайнем густом лесу.
 Дай мне ладонь – я просто тебя спасу.
 Рядом со мной позволишь себе простить
 Слезы мои, что носишь в своей горсти».

В мире душевной боли и детских травм
 Я говорю «Прощайте» семи ветрам.
 Звезды глядят сквозь неба немую стынь.
 Я ухожу. Ладони мои пусты.

Как много мне хотелось бы сказать...

Как много мне хотелось бы сказать...
 Как много мне хотелось бы услышать...
 С глубоким сожалением в глазах
 Взираю на истлевшие афиши...

Как трудно мне избавиться от лжи,
 От этой сумасшедшей жадной стервы,
 Что держит за моей спиной ножи
 И точит о натянутые нервы...

Мне лучше бы хотелось понимать
 Свои осатаневшие пороки...
 Но жизнь моя – сплошная кутерьма
 В пределах установленного срока.

Как верить бы хотелось в чудеса...
 Ладонью осторожно прикоснуться.
 Но с детских лет утерян адресат...
 Туда нельзя подобным мне безумцам.

Как быстро отпечатки на стекле
 Исчезнут. Позабудутся и эти
 Приветы с пожеланьем «Не болеть...» –
 Как будто старый голос на кассете.

Как много осыпающихся лет
 Оставлено на пыльной автостраде,
 Затем, чтоб, наконец, найти ответ...
 Который был всегда и всюду рядом.

ПОЭЗИЯ

Наталья Тимофеева
(Химки)

Первая страница

Скрип половиц. Замедленная речь.
Горит теплом разморенная печь,
И рыжий кот растянут на диване.
Щеколда стукнет, загудит в трубе.
Поправлю плед заснувшему тебе.
День уплывает лодкой в океане.

И, растворяясь в сумерках небес,
Чернеет хлебной корочкою лес.
А после, по законам океана,
Его глотает темно-синий мрак,
Где лодку не догнать уже никак,
Не вытащив удой Левиафана.

Пусть семь потов сойдут во сне веков
И выйдет Нил из древних берегов,
Плыви себе в видениях Танаха.
Архангел Гавриил наточит меч.
Ветхозаветным гулом дышит печь –
В ней догорает половица страха.

Увидишь сам, как утром в феврале,
Две первые звезды, взойдя в золе,
По дымоходу вырвутся наружу.
От них пойдут вселенские ростки...
Ну а пока на лепесток руки
Клади во снах истерзанную душу.

Здесь хорошо. Здесь прост и ясен быт.
И чайник на живом огне кипит.
Вкуснее чай от чабреца с душицей.
Ты будешь чист, проснувшись поутру.
И жизнь начнешь со снега на ветру
От Иоанна первую страницей.

Перезагрузка

Идут снега. Куда они идут?
Каким посевам обещав уют,
Спускается небесная прохлада?
Сгибаясь под ветрами в снегопад,
Прохожий люд не очень снегу рад,
Но снег идет. Да так оно и надо:
Когда наутро станет белым свет,
И солнышко появится в просвет,
И ребяшня повалит на салазках
Кататься на заснеженной горе,
Как станет царство белое в цене!
Пойдут в сети репосты: «Это сказка!»
Бывает очень трудным переход
От черной полосы сплошных невзгод
До вспышки озаренья и удачи.
Ты вспомни, как белеть умеет свет,
Когда уже ни сил, ни веры нет.
Но выпал снег ... – к перезагрузке, значит!

Обычное чудо

Опрокинуты облака,
Рябь воды замедляет движенье,
И меня поглощает река,
Размывая водой отраженье.
А весь город из берегов
Разливается в окна к соседке.
И глотает обрывки стихов
Грач, курлычащий нежность на ветке.
Тянет голову к солнцу нарцисс,
Кряквы снова гнездятся у пруда.
Получилось. Дожили, кажись!
Вот такое обычное чудо.

Атлантида

В эту синь, как в пространство,
 уходят по одному.
 Раздвигается небо руками вселенского солнца.
 Ласточки режут теплое утро в дыму,
 как режут бисквит.
 Из него проливается стронций
 и кормит свой выводок лет
 бесконечностью полураспада в телесном.
 И по канту всего горизонта распахнут рассвет.
 А под ним – одиночество моря. И лодка белеет над бездной.
 И считай, что ты в лодке. Плынешь тридцать лет в никуда.
 Ной когда-то решился. Но был не один на пароме.
 Обжигает рассвет и горчащая солью вода.
 И пульсирует жизнь по артериям в полном объеме.
 Два парсека до высадки.
 Тянет течением плоть
 к неизведанной цели
 с одним неизбежным финалом.
 Две строки. Взмах весла. Ты пытаешься хоть
 оставаться константой сопротивления в малом.

А иначе... Хотя оступились уже.
 Не имеют значенья теперь облака, почерневшие с виду.
 По спирали закручен правдиво жестокий сюжет.
 Тот, в который Платон погрузил Атлантиду.

странное время
 ни голоса ни строки
 солнце небо и песня скворца запоздалая
 такое тепло холодное из руки
 как будто душа водою в ней плещется
 талая
 те кто замерз в эпоху всеобщей лжи
 вдруг оттаяли в пламени сопротивления
 и чернеют их руки – противотанковые ежи
 словно всадники из шестой главы
 Откровения

Ни человека, ни дома...
 Поле, простор – благодать!
 Пахнет на солнце солома,
 Сладко в стогу будет спать
 Выгнанным в поле скитальцем
 (В небо – и душу, и взгляд),
 Облако щупая пальцем
 Или созвездье Плеяд.
 Падаю в глупой надежде
 Так и остаться в раю,
 В новой пшеничной одежде,
 У тишины на краю.

Урбанистический февраль

Не удушающим теплом,
 Но лаской февраля холодной
 Стекло воспринимаешь лбом
 В оконной раме первородной,
 Первородящей – так точней
 (Ты видишь новый день впервые).
 Обрамлены картинно в ней
 Река и сосны вековые,
 Глубокий снег и тонкий мрак
 По длинной нити небосклона,
 И заживающий овраг
 Вдоль складки серого бетона,
 И то, как птица чертит путь
 Концом крыла по небосводу.
 Пора. Ты тоже как-нибудь
 В февраль войдешь, не зная броду,
 Чтоб, словно белый блик стекла,
 Дыханием в него вонзиться
 И формой своего тепла
 На полотне отобразиться.

Пейзаж в кармане

Такого простого исхода
 никак не могла предсказать:
 так вот оно, счастье – свобода,
 сосны одинокая стать.

Гулять мне в ветрах на пригорке
 и хвойные звезды считать.
 Тебе – желтым кленом в Нью-Йорке
 случайным прохожим кивать.

И быть одиноко счастливым,
 что я тебе больше никто.
 ...А звезды – как синие сливы –
 засунуть в карманы пальто.

Темень времен

Начинаясь с тоски, опускается темень времен,
 Поглощая брусчатку пустых площадей Иудеи.
 И мне снится тяжелый навязчивый сон
 Про величие Рима и вечной имперской идеи.

Справедливая власть изначально – всего лишь мираж.
 Пишет письма Калигуле в тщетной надежде Агриппа:
 «Разрастаются подкуп, насилие граждан, шантаж».
 И растет неотправленных свитков бумажная кипа.

Как же выстоять мне на допросе, когда я проснусь,
 Как поверить в себя, не в знамена чужих легионов?
 Я, наверно, отчаянно смерти боюсь,
 А еще – разговоров и теней от белых пилонов.

Но когда прокуратора трижды попросят: «Распни!»
 «Esse Homo! За что?» – «Оставайся закона на страже».
 Только ненависть вспыхнет в сердцах иудеев внутри,
 Они божьему сыну в простом пониманьи откажут.

Я проснусь и пойму, что другие пришли времена.
 За окном дремлет город, в февральских снегах утопая,
 Но в грехах беззакония тех же погрязла страна.
 И кресты умножаются так же от края до края.

И опять продолжается кем-то затеянный спор.
 В закулисной игре побеждают всегда фарисеи.
 И выносят кому-то в терновом венке приговор,
 А багровые реки смывают пески Иудеи.

мой единственный мир многолик и другого не надо
 в этом белом слепящем и бьющем ветрами в лицо
 в этом липком снегу многоликая пустошь награда
 за горящее свечкой души на ветрах деревцо
 не оплавленный воск так податлив теплу
 но не скоро
 снова оттепель жизни пожалует в царство зимы
 и ведут только вороны с ним разговоры
 только черные крылья всегда предлагая займы
 и летит и летит ослепляющий снег бесконечно
 побелели и ветки и кажется ствол поседел
 на этом пути в никуда застывающем млечном
 продолжается белого с черным цветов передел

Луна на ниточке

1

Качается на ниточке луна,
 Как зуб молочный, вырванный из неба.
 Под нею бездна иль верней, без дна
 Морская гладь – в ночной сорочке Геба.
 Что смертному достанется она,
 Конечно же, легенда. Но лодчонки
 Ее лишают девственного сна.
 И злость растет и крепнет в амазонке.
 И захлестнет однажды, так и знай,
 Своею синевою берег рыжий.
 А ты луну на ниточке качай,
 Чтоб лунная дорожка ниже, ниже...

2

Господи, мизинец мне подай,
 Как луну на пальчике ребенка.
 Море снова синим через край
 Плещет в ночь, сыреет киноплёнка.
 Цифрового не хочу кино.
 Мне б вживую, чтоб шуршало телом
 То, что было в детстве мне дано
 И осталось на душе пробелом.
 Запах сосен. Водорослей нить.
 Двадцать пятым кадром – миг покоя.
 До Луны как долго надо плыть?
 – Господи, приснится же такое...

Я – осень

Прости, что, не разувшись, второпях,
 Простого разрешенья не спросивши,
 Вошла. Я – осень в парке, на сносках.
 Разбрасываю желтых кленов вирши.

Я понимаю, ливни ни к чему,
 Когда они без трав и солнцепека.
 Но я уже внутри, в твоём доме.
 И что мне интонации упрека?

Я здесь. Бери, читай, дыши, глотай!
 Пиши – ведь это средство от невроза.
 Я – осень. Желтых листьев урожай.
 Спасительная болдинская доза.

На лавочке в проулке под зонтом,
 Как лихорадка, вспыхну на экране.
 Зачем пришла? Ты сам поймешь потом.
 Я соль веков к твоей душевной ране

Форточка

в открытую форточку неба
струятся дожди
песок мировых пустынь
и осколки холодного света
под куполом серым меняются только вожди
на бледных плакатах всегда черно-белого лета
плывут косяки онемевших
запуганных лиц
на нерест труда и неволи
в большой постсоветской запруде
и небо струится из их опустевших глазниц
и в форточку Бога как свет прорываются люди

Притяжение

Мы оба – как в излучине реки
Два берега, что тянутся друг к другу.
Мы – мотыльки, а может, васильки,
Что синей гладью вышиты по кругу.
И потому не встретимся никак.
Но лишь в невстречах – сила притяженья,
Миропорядка творческий пустяк,
Законы окрыленного движенья,
Чтоб, трепет передав материкам,
Сдвигали тектонические плиты
Два маленьких и хрупких мотылька
По замыслу богини Афродиты.

*Екатерина Ключкова.
Серия «Русский Север.
Ярославской области посвящается...»
Акварель. 2022 г.*

ПОЭЗИЯ

Елена Овчарова

(Томмот, Якутия)

Вот он – новый чистый снег!
Снова счастлив человек.
Убеленный, но живой,
он идет по мостовой;
улыбается прохожим,
становясь чуть-чуть моложе...
Догоняет день ушедший
бедный, старый, сумасшедший,
но – счастливый человек.
Чистый, как летящий снег.

Я не верю в весну.
Ни в тепло.
Ни в капельные дробы.
Не бывает тепла.
Только темень.
И холод.
И лед.
Вот в жирафа я верю.
Он мирно пасется в Найроби.
Я б ему рассказала...
Про зиму.
Да он не поймет.

Осенняя прогулка

Мы с ним гуляли по Можайке
ноябрьским вечером сырым.
Он был хоть падшим... но не жалким.
Мне было и тревожно с ним,
и радостно, и непривычно,
и вдохновенно, и свежо.

Он собеседник был отличный:
молчал со мной и в ногу шел.
То шаг смирял, то убыстрялся,
как будто мыслями гоним.
Но все же рядом оставался
мой молчаливый пилигрим.
Когда ж пришла пора прощанья –
не оглянулся мой герой,
и, не сказав мне «до свиданья»,
умчал с опавшею листвою.
Мы с ним гуляли бы до ночи,
но был тот вечер сыр и мглист.
Союз сердец, увы, непрочен,
когда твой друг – осенний лист.

Небо над ратушей

Над ратушей небо серое.
Бульжники моет дождиком.
Прохожий застыл под зонтиком:
Грозят ему тучи серые.

А мальчик-трубач на ратуше,
Поднявшись наверх по лесенке,
Выводит губами песенку
Один на высокой ратуше.

Над улочками притихшими
Летит молодая песенка.
И тянется в небо лесенка,
А улочки спят, притихшие.

Под старыми крышами красными
Вихрастые спят воители.
Герои-освободители
Взрослеют под крышами красными.

Вот бездна на пути...

Вот бездна на пути – очередная –
разверзлась, бесконечностью пугая.
Вот я стою на краешке сыпучем.
Смотрю вокруг и думаю о лучшем.

Пейзажик за окном бесчеловечен.
Уклад привычный смят и изувечен.
Бесстрашные трибуны и кликуши
готовы вновь насильем мир разрушить.

Рожденные учить скорбят без мела.
Рожденные лечить врачуют тело.
Умершие статистике не внемлют,
А заселяют внутреннюю землю.

Апрельский воробей оптимистично
Глядит на мир, ведь, к счастью, грипп
не птичий.
В природе всю весну – ни дня простоя:
вернулось к жизни все едва живое.

И самое бы время научиться
тому, что понимает даже птица:
гнездо, птенцы, горсть корма,
много песен.
Ты жив. И мир огромен и чудесен.

От вас когда-нибудь уходила собака?
Не потому, что вы ее предали, нет.
Не потому, что ей много собачьих лет,
А потому, что ее позвали из мрака.
Хвост тащится веревкой лохматой,
Уши опущены, взгляд растерян.
Она себя чувствует виноватой,
Поскольку умножает ваши потери.
Она вас жалела всех понемногу,
Прощала вам шутки нелепые человечьи.
А теперь не может подойти к порогу
Жилья, свежей потерей отмеченного.
Вы, люди, которых она так любила,
Как своих собачьих нерожденных детей,

Октябрь 2020

тысячи лье до норвегий даний
сотни парсеков до мертвых звезд
ужас какой-то от несвиданий
каждый второй носит имя Lost
время бесстрашных объятий где ты
планы на зиму смешны до слез
ищет сурка уже вся планета
чтобы задать грызуну вопрос
но тот кто смял механизм брегета
не по зубам ни сурку ни нам
вслед за весной засушили лето
между страничками Instagram
осень закончится в заточенье
или закончатся наконец
дни утраченного свеченья
год двадцати годовых колец
время вопросов идет к финалу
время ответов уже в пути
щурится сверху старик усталый
кажется будто готов простить

Об ушедших

Унесли из дома единственного, кто был ей
Ближе близких, родных родней.
И теперь ей тоже нет в доме остывшем места.
Вы сильные, сможете вместе как-то прожить.
Ей же здесь теперь душно, неуютно, тесно.
Постоянно хочется выть.
Не бежит – уходит. Медленно, по-стариковски устало.
Вот уже на границе между вами и темнотой.
Оглянулась. Взглядом строго сказала:
«Оставайтесь. Людям отсюда нельзя со мной».
... От вас когда-нибудь уходила собака?
Из моего дома однажды сгинула.
И когда я глазами встречаюсь с мраком,
Я их вижу обеих: псину и Инну.

Когда умирают бабочки

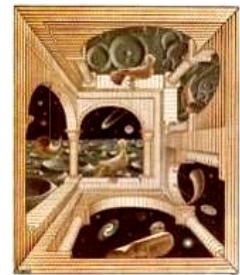
Когда умирают бабочки – вянет хмель.
 Лоза его никнет долу, нежней свечи.
 Под кожей налива белого гниль и прель.
 На дальних болотах буйволом выпь кричит.
 И волки летят над степью на зов беды.
 И совы сметают крыльями Млечный Путь.
 И в реках иссохших нет ни глотка воды.
 И в венах бескровных – сукровицы чуть-чуть.
 Когда умирают бабочки,
 то моря
 Уходят от суши в поисках глубины.
 Но все это все, все это даром, зря...
 Без бабочек люди тоже обречены.
 Куда мы без них, без их невесомых тел?
 Внутри – пустота и холод, и волчий вой.
 А помнишь, ты шел по улице? Шел и пел.
 И бабочек стайка следовала за тобой.

Екатерина Ключкова.
Серия «Русский Север. Ярославской области посвящается...».
Акварель. 2022 г.

ПОЭЗИЯ

Сергей Берсеньев
(Москва)

Аксиома деда

Я улицей так воспитан,
учил меня в детстве дед –
свои не стреляют в спину,
свои не приносят бед.

Железная аксиома,
оспорить – затронуть честь...
Набито уже оскомин
на тему сию – не счесть.

За истину – без оглядки
в побоище – двор на двор,
чтоб не засверкали пятки,
не рыкнул чтоб друг в укор.

По жизни – как по проспекту;
и я – вслед, и – вслед за мной...
Во тьму ли шагали, к свету –
казались врагу стеной.

Казались несметной ратью –
былинные силачи...
Да кто-то насрал проклятье,
тайком затупил мечи.

Да кто-то открыл ворота,
пока мы смотрели сон...
Он тоже отсюда родом,
любил колокольный звон...

Но как в поговорке – слушать
и сути его не знать...
За грош продаются души,
и дом, и отец, и мать...

И помню я, перед смертью
мой дед, что познал бои:
«Хоть плачь, – говорил, – хоть смейся –
свои предадут, свои...»

Эта книга

Эта книга прочитана,
постранично изведена...
Ничего нарочитого
не нашел в ней и вредного...

Не споткнулся о сложности
на пути к пониманию...
В свою душу хорошее
из нее переманивал.

Не завидовал автору,
его строгому почерку:
знал: свобода и каторга –
все когда-нибудь кончится...

Все когда-нибудь выльется
в точку черную, страшную...
Дочитал, но не вынесу...
Коли смерть – врукопашную!

Что грядет продолжение –
убедиться б воочию...
Самым ценным пожертвовать –
пусть живет многоточие!

Кажутся нелепым, жутким фильмом...

Кажутся нелепым, жутким фильмом
 новости, бросающие в дрожь:
 или мы герои кадров, или...
 Слов приличных и не подберешь...
 Горький, затянувшийся период...
 Люди-патриоты – как стена!
 Не о трость больного и перила
 в бедах опирается страна...

Чем сильнее бьют, тем русский крепче –
 и не раз отведают кулак
 те, кто со слюной толкает речи
 о России – так ее и так!
 Мол, стереть с лица земли навечно
 этот гордый и упрямый сброд...
 Чтоб нигде не собиралось вече –
 вырубить под корень россос род!

Кончится страшилка о фашизме,
 выветрится нечистью из душ –
 проживем в ладу остаток жизни;
 в сторону – кто против, кто не дюж,
 кто поник, стихиями прижатый,
 чей из года в год тускнеет след!
 Молния – в полнеба, гром – глашатай...
 Мчится в чистом поле Пересвет...

Живем...

Живем, оберегая наших близких,
 и помним тех, кто нас оберегал
 поступками, а не по переписке;
 чьи были так надежны берега.

Их нет уже ни рядом, ни далече;
 лишь чувствуется ангела крыло...
 И веришь, что судьбу не искалечат,
 что силы есть – на свет сквозь бурелом!

Врываешься туда, куда не просят,
 где вместо добродушия – капкан,
 где тощий календарь гнусавит: «Осень!

До первых холодов дыши пока...»

Но есть всегда у человека выбор –
 уйти в забвения темный коридор...
 А может, стоит – с гордостью на дыбу,
 продать остаток нищенский втридор?..
 «Втридорога!» – договорить успею,
 услышит пусть мой уязвимый друг!
 Споем еще, что на земле не спели:
 я – ангелом, ты – вознесеньем рук...

Медник

Опять затишье перед боем –
 в дремоте грозные слова...
 И где бы взять сейчас припою –
 спаять во фразу два и два?

Во сне мне виделось намедни,
 как душу заперли в острог...
 Трудись во имя Бога, медник,
 паяй надежней между строк!

Паяй, чтоб те не разругались,
 подобно людям, городам...
 Не ради славы и регалий –
 от них душе одна беда!

Приходит с потом вдохновенье...
 Да разве сильных удержать?
 Пары кислотные развеем –
 так легче истиной дышать!

Так понимаем после точки
 (а к ней здесь все пути ведут) –
 неиссякаемый источник
 течет, пока мы ценим труд.

Позови за собою в даль...

Позови за собою в даль,
где душа – бунт громов и молний.
Я дышать бы тебе не дал,
ни единого слова молвить...
Я бы сам тишиной молчал,
пожирал бы тебя глазами –
расстрелял Купидон колчан,
в ожидании чуда замер...
Разве сказочный этот мир,
полный чувств, красоты, уюта,
посреди непролазной тьмы –
не дареное Богом чудо?
Разве то, что не надо слов,
пробираясь сквозь догмы к сути –
не основа ли всех основ,
за которую нас осудят?
Ты характером твердым – сталь:
и во мне, говорят, есть стержень...
Позови за собою в даль,
даже если весь свет рассержен...

Теплый вечер

Теплый вечер... Да еще костер
лижет языком ступни босые...
А в стихотворении простом
многое мечтателю по силам:
сказку подарить, душой принять,
что не смог бы в жизни прозаичной...
Города соблазны променять,
сросшиеся с разумом привычки
вот на эти чудо-облака,
озера прозрачность ледяную...
Денно поклоняться не богам,
клясться еженощно «Повинуюсь!»
вам, сидящей рядом на бревне,
голову склонившей на плечо мне –
самой близкой... Я по чьей вине
всматриваюсь в искры увлеченно...
Только не молчите у костра,
как недостижимая тайна...
Будто – семь печатей на устах,
и надежда на взаимность тает...

Екатерина Клочкова.

Серия «Русский Север. Ярославской области посвящается...». 2021 г.

Сон

Как же долго хранится все это
В закуске нерасказанных снов...
Янина Юдина

Нам порою такое (!) приснится:
утром думаешь – вот чудеса!
Журавля ухватил – не синицу,
и не рвется из рук в небеса!

Отчего же так прятался долго
в закутке, словно мышь, этот сон?
Как забытая книга на полке,
где подробно – про жизнь, обо всем...

Родились в ней, с годами росли мы...
Каждый верил в звезду свою, ждал...
Видно, время пришло стать счастливым,
да забыть злое слово «нужда».

Видно, ангел-хранитель заметил,
что ему на подмогу пора...
Может, есть справедливость на свете
для потомка свечё и пера...

И, взбодрившимся, не удивиться –
отчего сны сбываются вдруг,
журавля ухватить – не синицу,
и не выпустить счастье из рук!

*Екатерина Клочкова.
Серия «Русский Север. Ярославской области
посвящается...». 2021 г.*

Монолог Александра Яшина

*Александру Яшину, Веронике Тушновой,
Злате Ростковской...*

Нам экзамен Божий по плечу с тобой:
сказано не раз ведь – не чета.
Привыкать не буду, буду чувствовать,
буду по глазам твоим читать;
покидать насиженное гнездышко
ради редких, но желанных встреч...
Буду умирать с тоски и вновь дышать,
обретать сознание и речь.
Это я так думал, что мы сильные –
строчку я впишу и строчку ты...
Белые листы, чернила синие –
нет, не получается четы.
Я всегда – по случаю, урывками,
будто ветер быстрый и шальной.
Вот и судьбы – как дороги, в рывинах,
и как тень – вина перед женой.
Мы умрем – не станет треугольника,
но мне дорог каждой встречи миг...
А Господь, отняв и эту толику,
не простит, что я любил двоих.

ПОЭЗИЯ

Екатерина Каграманова (Ставрополь)

И этот дом, и улица, и сквер,
И купола, что золотом в листве,
Однажды станут частью декораций.
И остается медленно взрослеть,
Как подмастерье в сложном ремесле,
Не ожидая премий и оваций.
А хочется – минуя рубежи
Добра и зла, падений и вершин,
Махнуть через служебный за кулисы.
Но треснувшей по боку скорлупой
Даритель снов, уверенно-скупой,
Дает увидеть лишь частицу смысла –
Пока тепло совсем не истекло,
Смотри сквозь замутненное стекло,
Как зритель, что остался без билета.
И ощущай в немыслимом родстве
И купола, и улицу, и сквер –
Весь этот свет. Так много, много света.

Конечно, это несусветный бред,
Но чудится, в далеком октябре
Народ бежит, спасаясь от француза,
И лошади подводы тянут с грузом.
Здесь все, что бросить будто не с руки –
Тюки, мешки, коробки, сундуки
И что-то, туго стянутое в узел.
А от себя попробуй убежать –
Скользнешь легко по лезвию ножа,
Что остро отсекает все излишки.
Останутся неизданные книжки,
Стихи и прочий несерьезный скарб,
Включая сны, рисунки, боль в висках –
Короче, так... дизайнерские фишки.

Тишина

Со временем из мелкого зерна
Случившихся когда-то одиночеств
Сквозь сердца подготовленную почву
Свободно прорастает тишина.

Такая – ни добро тебе, ни зло.
Не мудрость, а скорее точка роста,
С которой вязким делается воздух
От мутной пустоты ненужных слов.

И что за радость, что за маета
Их взвешивать – годится, не годится,
Как с детства зарешеченную птицу
Учить и уговаривать летать.

А сверху кто-то сдвинет рычажок,
Чтоб видеть в объективе близко-близко,
Как, целя в центр солнечного диска,
Кузнечик совершает свой прыжок.

Дождь

Пахнет сорванным луком, сухими травами,
Перегретой сладостью темных слив.
Кто-то огненнорукий в небесной гавани,
Чертыхаясь, развязывает узлы:
«Не тяни за веревку, стой по-хорошему,
Погоди еще... Вот теперь пойдешь».
Мы стоим, задрвав подбородки, – слушаем.
Обещали дождь.

Переводчик

Попробуй Расскажи, как ты идешь домой.
 Фонарный блик дрожит, холодный и немой,
 Жизнь сводится к дождю и лужам под ногами.
 Но в мокрой пустоте засветится окно,
 И бесконечный день, затертое кино,
 Вдруг сложится в простой кораблик-оригами.
 Отпустишь по воде – плыви себе, готов.
 Попробуй-ка одень все это в ткани слов –
 И кто же ты теперь, когда не переводчик
 С простого языка на сложный и скупой,
 Громоздкий пересказ над тоненькой строкой,
 Отпущенной лететь на волю хмурой ночью.
 Кто ты, как не толмач? И скованный язык
 Все силится поймать, нащупать где-то стык,
 Связующий твой свет и яркий свет снаружи.
 Ты – тень, стекло зеркал, срединное звено.
 Тебя никто не звал, но так заведено –
 Раз хочешь говорить, то для чего-то нужен.

Такая речка – не отыщешь брод.
 Кого-то унесет круговорот.
 Усталый перевозчик сядет в лодку –
 Не то чтобы спасет, но подберет
 И довезет до самых до ворот,
 Как полицейский вора с околотка.
 А с берега не видно ни-че-го,
 Лишь слышен бесконечный шорох волн.
 Они твердят почти неразлично,
 Что были чьи-то, а теперь ничьи мы.
 Но верится, что все наоборот,
 Что это часть великого пути,
 Что вечность никогда не ставит точки...
 Мы уплывем туда поодиночке.
 А верится, что вместе улетим.

От сна до сна – как бесконечен день.
 Уплыть забавой детской по воде
 Вдоль берега, что надвое распался.
 Течение вниз, а надо взять правой...
 Ассоль, забывшись, спит в густой траве,
 Не зная, что кольцо уже на пальце,
 И вписаны в условия игры
 И лодочка из ивовой коры,
 И хлеб, вчера оставшийся с обеда,
 И люди, не смещенные с орбит.
 Никто не будет ранен и убит,
 Никто и ни за что не будет предан.
 И значит, ком чужих обидных слов,
 Тиски в груди, разгоряченный лоб
 Теперь не зря, не зря не зря, не зря, ведь
 В суконной лавке – вправо от угла –
 Дивясь на чужестранные дела,
 Торговец шелк тяжелый отмеряет.

Вертеп

Вертеп сооружается легко.
 Возьми коробку ширины такой,
 Чтоб поместились Мать, Дитя, Иосиф.
 Чтоб было место ослику, волу,
 А тень свечи дрожала на полу,
 Как губы, повторяющие просьбу.
 Слепи волхвов, верблюдов и дары.
 Их нужно так – на гору и с горы,
 Короче говоря, поставь поодаль.
 Теперь давай овечек, пастухов
 Сюда, поближе – замысел таков,
 Что Он был явлен бедному народу.
 Задрапируй, раскрась, приклей, расставь
 И жди, когда откроется звезда –
 Она вот-вот покажется над миром.
 И будет свет в привычной темноте,
 Где все, что есть – игрушечный вертеп.
 Ни золота, ни ладана, ни смиренны.

Нильс

Маленький Нильс улетает на белом гусе,
 Крылья режут небо на две половинки.
 «Мама, – кричит он, – мама, ты не волнуйся».
 Нильс прижимается к гладкой гусиной спинке,
 Точно не зная, хочет ли он вернуться.

В сумке картошка, хлеб, запасная рубашка
 И аттестат с пятерками по матеше.
 Гусь был не дикий, наоборот, домашний,
 Но испугался, что к Рождеству зарежут,
 Да и калитку оставили нараспашку.

Нильс обнимает уставшую шею гуся,
 Пальцы замерзли, он на них громко дышит.
 Мальчику боязно, он не уверен в курсе,
 Ясно одно – что нужно подняться выше,
 Чтоб этот шар немножечко повернулся.

В городе было все, что так нужно детям:
 Садики, школы, колледж, секция бокса.
 Нильс бы остался, но он недавно заметил,
 Что постепенно становится меньше ростом,
 Как все вокруг, когда становятся взрослыми.

Девочка

Как воин света бьется с темнотой?
 Не той, что в сказке – муторной, простой,
 Завернутой в нарядный, яркий фантик?
 Ни сабли, ни кинжала, ни меча...
 Лишь сыплет с неба снежная печаль
 И тает на затоптанном асфальте.

И девочка растерянно глядит –
 Из тех, что вдруг замрут на полпути
 И, вверх глаза, следят за облаками.
 Такие нянчат кошек и собак,
 Не понимая толком слова «враг»,
 Не зная, как становятся врагами.

И вот она стоит – куда идти,
 Когда стучит, колотится в груди, –
 За что?! Нежданно, мелко – для обиды...
 Мерещится, тут есть ее вина,
 И потому теперь на всех она
 Глядит, не подавая даже вида,

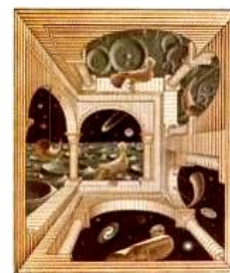
Как трудно, трудно не заплакать ей.
 Спокойно, в норме – девочка о'кей.
 Она растит свою броню слоями.
 Ей чудится, она сильнее всех,
 Когда про дикий глупый чуждый смех
 Не говорит ни бабушке, ни маме.

Одно лишь плохо – через много лет,
 Когда давно окончен этот бред,
 Случайным камнем брошенное слово
 Ударит точно там, где хуже всех
 Скрывает кожу мысленный доспех.
 Там били прежде, и сейчас – готово,

Десятилеткой вскинется душа.
 А воздух, не давая ей дышать,
 Вдруг снова станет горький и колючий.
 Ни сабли, ни кинжала, ни меча,
 Ни разрешенья драться и кричать
 На этот самый крайний в мире случай.

ПОЭЗИЯ

Сергей Гамаюнов (Черкесский) (с. Александровское, Ставропольский край)

Ностальгия

Приснилась милая сторонка:
(Грустил вчера, не без того...)
Дежурно лает собачонка,
Учуяв рядом своего.
Скрипит ступенями крылечко,
И пахнет хлебом и теплом,
Углем сырым стреляет печка...
Семья вся в сборе за столом.

Вот так и было в нашей хате
Лет шестьдесят тому назад:
Подушки горкой на кровати,
Диван, с лампадой образа,
Комод с салфетками из кружев,
Машинка «Зингер», круглый стол,
Готовит мама скромный ужин,
Склонясь привычно над плитой...

Морозом белены оконца,
До искр плита раскалена,
И словно маленькое солнце
Ее чугунная спина.
Гудит огонь в печном застенке,
Отец, смешно ерша усы,
Качает сына на коленке...
Ах, счастья детского часы –

Неповторимо безмятежны!
И все, как будто бы вчера.
Коснусь усов колючих нежно,
Тайком. Пожалуй, мне пора...

Да, были ценности другие,
Мы жили проще, но дружнее.
И сжала сердце ностальгия,
И ничего не сделать с ней.

Нам дорога о близких память,
Они – частица, соль земли!
Вчера цветы отцу и маме
Мы с братом вместе принесли...

Переболеть Весной

Болезни каждый в жизни испытал.
А что поделать? Такова природа...
Болеют и деревья, и металл.
И вовсе не причина – время года.
Любой живой болеет организм,
А тот, что выжил – заболит снова...
Иммунитет, среда, метаболизм –
Все ерунда, поверьте мне на слово:
Когда Весна придет в который раз
И запорхает сердце мотыльчком,
И оголятся смело, напоказ
Соски черешни – розовые почки!
Все кувырком: и мысли, и дела,
И закипает кровь адреналином.
О, как красивы женские тела
Без шуб, пальто – коротких или длинных.
И пусть отнимут жизни мне на треть,
Хоть режь меня и хоть пинай в подвздошь –
Готов я вдрызг Весной переболеть
Опять и снова, и как можно дольше!

Иду по земле...

Иду по земле, удивляюсь всему...
Аркадий Кутилов

Иду по земле, удивляюсь всему,
А жизнь эту все же никак не пойму:
То солнышко светит, то ночь на дворе,
То кошка в лукошке, то пес в конуре,
То хляби разверзлись, то пекло и зной,
То ангел с крылами парит надо мной,
То пьянствую тихо, судьбину кляня,

И черное лихо ломает меня,
То вновь оживаю, пишу и пою,
То шею б свернул своему соловью...
Вот снова со злости спугнул соловья –
Что делать, коль вовсе запутался я?
Иду по земле по колено в грязи...
Давай же, кривая, меня вывози!

Лаутары

Лаутары⁴¹, лаутары –
Скрипки стон да звон гитары.
Лег скрипичный ключ Днестра
У небесного костра...

Тонет в сполохе багряном
Песнь цыгана – плач цыгана.
И несут ее ветра
Вдоль излучины Днестра.

Тучек кучные отары,
Луг небесный – лаутары!
Сон ли, сказка ль, явь, мечта?
Посчитай-ка, брат, до ста...

Молодым уйти иль старым?
Расскажите, лаутары!
Берег крут. С него сорвусь
И в полете рассмеюсь:

– Не достали, не достали!
Вы, пигмеи, не взлетали,
Не срывали рук с креста,
И меня вам не доста-а-а-а...

Рыжий пес

Бездомный пес на клумбе сжался,
Под рыжий хвост упрятав нос.
Он неухоженный и жалкий
До спазмов в горле и до слез.
Лежит, как лист опавший рыжий,
Среди такой же вот листвы.
«Проснись, бродяга, не обижу!» –
Коснусь косматой головы,
Поглажу: «Эх ты мой болезный...» –
Подам кусочек колбасы.
Слова о добром бесполезны,
Когда вокруг бездомны псы.
И я шепну ему, прощаясь:
«Не падай духом, братец пес!
Ведь я и сам, как ты, скитаюсь,
В свои стихи упрятав нос».
Гуляет ветер по бульвару.
Пойду и я. Пора, ей-ей.
И рыжий пес со мной на пару
Уйдет, как тень души моей...

⁴¹ Лаутар (лэутар) народный музыкант (обычно скрипач) в Молдавии и Румынии. Название происходит от слова «лэута» или «алэута» — старинный лютневидный инструмент.

ПРОЗА

Ян Кауфман

(МОССАЛИТ, Москва)

ВЕТКИ МИМОЗЫ

(Воспоминания актера)

Восьмое марта. Утро встретило морозящим дождем и холодным, еще февральским ветром. Небольшой провинциальный городок, где проходили съемки очередного бандитского сериала. Я в главной роли, в роли киллера, убивающего по сценарию двух сестер.

Проезжая утром на очередные съемки мимо старинной деревянной церквушки, что находилась в центре города, я обратил внимание на десяток торгующих старух, укутанных в невзрачные, выдавшие виды утепленные плащи. Цветы – живые и искусственные, рассада, и веночки, и садовая консервированная зелень в банках были аккуратно расставлены на обочине дороги вдоль ограды.

Среди торговки заметил девочку лет десяти, стоящую неподалеку от ведра с ярко-желтой пушистой мимозой. Ее дождевик, явно не по росту, зло и нетерпеливо трепыхался на ветру.

«Пойду-ка куплю нашим женщинам цветов, – пришла внезапно идея. Тем более этим двум, которых должен сегодня непременно прикончить». Припарковав машину, я подошел и спросил:

– Девочка! И почему у тебя это ведро мимозы? Небось, замерзла тут на ветру?

Она, смутившись, стыдливо отвернулась то ли от меня, приставучего дядьки, то ли от холодного ветра.

– Да нет, хозяйка сейчас подойдет. отошла за телогрейкой, – выручила девочку старушка, торгующая рядом солеными огурцами,

– А вот и она.

– Шур! – обратилась старушка к появившейся хозяйке мимозы. – Вон тебя девочка дожидается уже минут десять.

– Эта трясогузка? Ну, и шо тебе приспичило? – обратилась она к девочке. – Букет или два?

– Мне бы две веточки для мамы. У меня есть всего сто рублей, а больше нет.

– Ты шо! Совсем сдурела. Для мамы ей! А для папы не хочешь? Чему их только учат в школе?! У меня любая ветка по двести.

Она искоса поглядывала на меня, как бы ожидая поддержки. И вдруг я услышал, как девочка, отвернувшись от всех, заплакала навзрыд:

– Это на мамину могилку. Она так любила мимозу...

Сердце мое сжалось, меня охватило негодование, кровь прилила к лицу... Я обнял ребенка и повернулся к торгашке. Увидел, как та была напугана – не столько своим хамством, сколько моим случайным присутствием и реакцией на происшедшее.

– Слушай, мыбра! Мне ничего не стоит пришить тебя здесь же, на виду у всех. Дело привычное. (Кажется, я удачно вошел в роль убийцы.) Неделя как освободился по сто пятой. Знаешь такую? Заверни аккуратно десять веток девочке! И десять мне – это для тех, кого пойду сейчас убивать. Вот тебе за все про все тысяча рублей.

– Я же не знала, что это на могилку. Простите меня!

Она протянула два букета.

Внезапно рядом со мной остановилась милицейская машина, и вышедший из нее сержант фамильярно хлопнул меня по плечу. Краем глаза я заметил, как все торговцы напряглись: что же будет дальше?

– Приветствую вас, уважаемый киллер! С вашего позволения придем посмотреть, как будете кончать этих девчонок. А цветочки и мне будут кстати – к празднику.

Он вынул из ведра несколько веток мимозы.

– Сержант! Чтобы я был спокоен, доведите, пожалуйста, этого ребенка до дома. Смотрите, как она замерзла, – попросил я.

– Спасибо вам за все, – ответила девочка, садясь в машину, и они благополучно отбыли.

Бабка, что рядом, с опаской глядя на меня, шепнула:

– Шурка! У него все схвачено. Молчи, дура!

Все уставились на меня. Кончать эту трагикомедию надо было как-то достойно, и я подытожил, усаживаясь в машину:

– С праздником вас, дорогие женщины!

Екатерина Клочкова.

Серия «Русский Север. Ярославской области посвящается...». Акварель. 2022 г.

ПРОЗА

Джон Маверик

(Германия)

НА МОСТУ

Недалеко от нашего города находится «мост самоубийц». Нет, расположен он не в долине Наэ и переброшен не через спокойный равнинный поток. И не через широкую автостраду, текущую, как река, через многочисленные тоннели. А там, где горы и ущелья, и где стремительные ледяные ручьи, падая с отвесных скал, роют себе путь в мягком песчанике.

Говорят, над таким потоком – ручьем или речушкой – быстрым и пенным, бегущим по острым камням, и перекинут мост. Но это не точно. Потому что, стоя наверху, увидеть дно невозможно, слишком там высоко. Разве что различить невнятный гул, как в прижатой к уху морской ракушке. Но шумит ли вода или что-то другое – может быть, ветер, задувая откуда-то сбоку в узкую расщелину, как в дульце флейты, – понять трудно.

Никто и никогда не спускался с моста вниз. Только прыгали. Усталые от жизни люди. Смертельно больные. Безответно влюбленные. Покинутые, измученные, затравленные, вольно или невольно преступившие закон. Да мало ли поводов есть для суицида! Самоубийцы попадают в ад. Это неизбежно, как смена дня и ночи. Как приход зимы после осени. Как движение галактик по ночному небосклону. Но те, кто бросился с моста, не достигают дна. Они умирают в воздухе от разрыва сердца, прежде чем их бессильное тело разобьется о камни, а кровь смешается с холодной водой горной реки. Говорят, что те, кто умер в полете, становятся ангелами преисподней. Конечно, это всего лишь легенда. Но...

Люди ей верят. И я поверил.

– Ну что, Франц, – спросил я растерянно, стоя у пустого холодильника, в котором – вот ведь насмешка судьбы – завалилась только банка пива, четверть стаканчика сметаны и бутылка соевого соуса, – хочешь сметанки? Больше у нас ничего нет.

Зеленоглазый рыжик с мурчанием терся о мои ноги. А мне хотелось плакать от отчаяния. И от голода, уж если говорить честно. Вывернув карманы, я высыпал на стол жалкую горку мелочи. Пересчитал... Хватит на баночку кошачьих консервов или на пачку макарон. Что купить? Очень хочется есть, но ведь и котика не обидишь...

– Ну ты бы хоть мышку поймал, дурачок, – простонал я, – если уж хозяин у тебя такой – ничего заработать не может. Но нет. Мы с тобой два ротозея – и никуда не годимся. Никчемные мы с тобой создания, приятель, – сказал и тяжело задумался.

Франц не ловил мышей. Не знаю, почему и чего ему не хватало. Этот рыжий тюфяк неспособен был сцапать даже комара. Только и мог, что валяться на солнечном подоконнике кверху брюхом и урчать, когда я ласково почесывал ему животик. А еще, проголодавшись – смотреть умильно в лицо, мяукать и цеплять когтями мою брючину.

Со слезами на глазах я вывалил на блюде остатки сметаны, и мой меховой друг, немного поворчав, принялся за еду. Он не любил молочное. Но если со вчерашнего утра

миска пуста – съешь и не такое. А я, приняв наконец решение, сбегал в магазин и купил упаковку вискаса. Корм этот, конечно, дрянь, и котики от него болят. Но какая теперь разница?

После сытного обеда Франц подремал немного, блаженно растянувшись на коврик у миски. А я нервно мерил шагами комнату, борясь с желанием выскрести из пачки остатки вискаса и облизать ложку. Ну нельзя же в самом деле так опускаться!

День догорал. Алые полосы заката уже змеились по небу, делая его слоистым и жарким, когда, подхватив кота на плечо, я вышел из дома и торопливо направился к мосту. Я шагал по вечернему городу, машинально поглаживая мохнатую кошачью спинку, а в голове крутились мысли о женщинах, которые прыгали в пропасть вместе со своими детьми. Кто-то их осуждает. Но только не я. Уж лучше забрать с собой в смерть, чем оставить кого-то беспомощным и покинутым. Детей у меня не было, а только котик... такой же, по сути, беззащитный хвостатый малыш. Вечный ребенок, ленивый, беспечный, доверчивый. Ну как я мог его бросить? Пропадет без меня, бедолага.

И вот мы вдвоем стоим на мосту. Вернее, стою я, а кот разлегся у меня на плечах, обвив шею, как меховой воротник, и щекочет ухо своими длинными усами. Над нами скалы – червонно-темно-красные, и небо изжелта-синее, матовое, непрозрачное, как самоцветный камень. Под ним тяжело дышать. И молиться страшно. Как будто все какие ни есть в мире светлые силы уже махнули на меня рукой, плюнули и отошли в сторону.

Я уже приблизился к самому краю и всматривался в пропасть – там и в самом деле что-то глухо шумело и клубился темный туман, – как Франц у меня на шее вдруг зашевелился и вопросительно мяукнул. Я взял его на руки и заглянул в глаза. В них, зеленых и сияющих, светилось такое любопытство, такая жажда жизни – простой, животной, не обремененной человеческими заботами, – что я опешил.

– Прости, дружище, – пробормотал я, опуская котика на теплые от солнца доски моста, и зачем-то, от растерянности, наверное, добавил: – Подожди меня здесь.

Сказал – и прыгнул.

Это была точка невозврата.

Помню мгновенный страх, почти ужас, острый до тошноты, который накатил мгновенно и схлынул, растворившись в головокружении, скорости, в свисте летящей навстречу пустоты. Я падал туда, где нет света и нет Бога – на самое дно преисподней.

Легенды не соврали – я действительно стал ангелом. У меня отросли большие черные крылья. Они бессильно болтались за спиной, неспособные поднять меня хотя бы на сантиметр над унылой каменистой пустыней. Я даже не мог развернуть их и подставить ветру – а впрочем, и ветра не было в аду, а только неподвижный плотный жар, горячее марево убитых надежд, растаявших иллюзий и выброшенных в помойное ведро шансов. Непрожитая жизнь обволакивала меня – и душила.

А мой котик остался на мосту. Я продолжал видеть его сквозь толщу адских миров – связанного со мной тонкой ниточкой любви. Не глазами, которые так и так бесполезны в темноте, а как бы внутренним взором.

Франц ждал, поверив, что я вернусь. Ведь я никогда раньше не обманывал его. Иногда он дремал, положив голову на лапы. Иногда плакал – протяжно и жалобно, как умеют плакать только коты. Так, что от боли рвется сердце. Но у этих гор сердца нет. Они бездушны и немые и не знают сострадания.

Он научился ловить ящериц среди горячих камней. Охотился на мелких грызунов, пауков и насекомых. Так и выживал. Его красивая рыжая шкурка выгорела на солнце,

сделавшись песочно-золотой. Шелковистый мех огрубел, как трава в степи. За годы ожидания он вырос и стал настоящим крупным хищником.

Теперь пищей ему служат не столько маленькие зверьки, сколько самоубийцы, всходящие на мост. Стоит несчастным вступить на шаткий настил, как Франц набрасывается на них, урча, раздирает на куски и насыщается мясом. И это, конечно, акт милосердия, потому что он спасает заблудшие души от посмертного наказания.

А я... так и живу в аду, не в силах его покинуть. Ненавидя бесполезные крылья. И горько-горько раскаиваясь в совершенной ошибке. Бывает, что в полнолуние, когда зыбкая лесенка света спускается туда, где царит вечный мрак, я поднимаюсь на мост. Не весь, а только лучшей и самой легкой частью своей души. И тогда я становлюсь перед Францем на колени, глажу его лохматую голову и прошу прощения. Снова и снова прошу у него прощения. Хотя и знаю, он на меня не сердит. Мой бедный ласковый котик, от горя и невзгод превратившийся в огромного льва. И каждый раз, покидая его, я чуть слышно шепчу:

– Подожди.

А потом возвращаюсь туда, откуда пришел, и продолжаю платить по счетам. Хоть я и ангел, но надо мной все равно издеваются, унижают, бьют. Ведь это ад. Здесь никого не щадят. Два раза в год я подаю прошение о помиловании, которое мое начальство, смеясь, выбрасывает в мусорную корзину. Они всегда поступают так. Со всеми нашими просьбами.

Но я все равно продолжаю надеяться и писать, без всякого результата изводя такую дорогую здесь бумагу. Потому что в глубине сердца верю, что даже силы ада могут сжалиться и помирловать грешника...

Если кто-то ждет его на мосту.

ЭВТАНАЗИЯ

Врач долго листал тощую папку, не поднимая глаз от стола, пока Кевин не начал ерзать на стуле.

– Ну вот что, – изрек наконец. – Ты здоров. Разве что выглядишь усталым. Плохо спишь?

– Часа полтора в сутки.

– Мало, – покачал головой Люк. – Выписать тебе снотворное? Мягкое, привыкания не вызывает.

– Не надо, – отказался Кевин с жалкой улыбкой.

Он и в самом деле выглядел неважно. Потухший взгляд, заметные синяки под глазами. Похудел, кажется, килограммов на десять с тех пор, когда Люк его в последний раз видел. И как его земля еще носит, доходягу?

– Ладно... А что тебя, собственно, беспокоит?

Кевин вздохнул.

– Люк, мы же с тобой друзья... Да?

– Не тяни кота за хвост.

– Ну ты же видишь, что происходит.

– Где?

– Да везде... – Он неловко обвел рукой уютный белый кабинет, атласные белоснежные шторы на окнах, полных солнечного света, застекленный шкаф с какими-то медицинскими книгами, аппарат ультразвука и кушетку у стены. – Посмотри, как люди страдают. Как теряют

самое дорогое. Мучают и убивают друг друга... Ни ночи без крови и слез, ни дня. И все это происходит, пока мы тут отсиживаемся.

Криво улыбнувшись, Люк закрыл папку и отпихнул ее на край стола.

– Конечно, я все это вижу. Не слепой. Но что беспокоит именно тебя?

– Я чувствую, что схожу с ума.

– А с этим, дорогой мой, – усмехнулся Люк, – обратись, пожалуйста, к психиатру. Душевное здоровье – не по моей части.

Кевин закатил глаза.

– Хватит издеваться. Ты прекрасно знаешь, зачем я пришел. Психиатр не может выписать направление на эвтаназию. А ты можешь. Придумай любой смертельный диагноз, рак мозга или крови, например, или еще что-нибудь. Мне все равно.

– Да ты и правда чокнутый!

– Я больше не могу, Люк. Эти картины врезаются в память и там остаются. Стоит только зажмуриться – и они встают передо мной, пугающе яркие, и сменяют друг друга, как в дурном калейдоскопе. На каждой – боль и ужас, и человеческая трагедия. И такое бессилие меня захлестывает, что я – здесь, а они – там. Что ничем не могу помочь.

– Ты смешон со своим пафосом, знаешь ты это?

– Я теряю рассудок. Ну как ты не понимаешь? Я страдаю, а тебе смешно? Ну что ты ухмыляешься? Хотя бы на секунду представь себя на моем месте... Это же страшно. Лучше мгновенная смерть, чем годы и годы безумия.

Он и в самом деле крепко зажмурился, и задрожал, и закрыл лицо руками.

– Ну что с тобой делать... Ты толкаешь меня на обман. А почему ты не можешь просто наглотаться чего-нибудь, вены вскрыть... повеситься, наконец? Раз уж так хочешь умереть?

– И провалиться в преисподнюю?

– Глупости. Бредни недоумков-фанатиков. Никто не заслуживает ада. И уж тем более мы.

Кевин, который до этого сидел сгорбившись и неловко сжавшись на стуле, отнял ладони от лица и выпрямился. И хотя он смотрел в пол, голос его прозвучал твердо.

– Это потому, что мы такие чистые, да? Потому что не запачкали рук в крови, а только смотрим, как это делают другие? Люк, не надо меня отговаривать, я уже все решил. – Он поднял на друга умоляющий взгляд. – Я прошу тебя только о справке, о врачебном заключении... измарать одну маленькую бумажку – но ты и этого сделать не можешь!

– О господи!

Люк в сердцах смахнул историю болезни на пол. Следом полетели шариковая ручка, дырокол и карандаш. Он бы скинул и что-нибудь еще, но больше на столе ничего не было, кроме клавиатуры и компьютера. А бросаться дорогой техникой – себе дороже.

– Но мы помогаем! – простонал он. – Всем, чем только можем! Без нас они бы не справились! Ты же знаешь, как они слабы... а мы всегда, всегда протягивали им руку помощи. Что еще ты хочешь от нас – от меня, от себя... Хорошо... – Люк заглянул в его глаза с пепельной радужкой и зрачками, словно обугленными внутренним пожаром, и передернул плечами. – Ладно... Я напишу... Но все равно не понимаю, почему ты хочешь умереть на карусели? Это такое же самоубийство, потому что ты сам взойдешь на нее. С такими же последствиями.

– Нет, – возразил Кевин, – не такое же. Я слышал, что карусель эвтаназии раскручивается так быстро, что тела распадаются, а души расшвыриваются по разным мирам. Будто пущенные из пращи камни. – И, видя, как хмурится его друг, быстро добавил: –

Только не говори мне про бредни фанатиков. На самом деле все обо всем знают. Мы ведь всегда возвращаемся, правда?

– И держим язык за зубами, – буркнул Люк.

– Не обязательно.

– Ладно, дай мне еще пару минут... – пробурчал он и принялся что-то быстро черкать на листке. – На, вот твоя бумажка. Отнесешь куда следует и получишь официальное разрешение. И – прощай. А если эта история выйдет на поверхность...

– Ты скажешь, что поступил так из сострадания. Спасибо, друг. Большое тебе спасибо.

Кевин стоял, запрокинув голову и смотрел на карусель – огромное колесо, застывшее между небом и землей, между ослепительной, бесконечной нежностью синевы и райской зеленью парка. Цвел жасмин, благоухая изысканно и тонко. В листве сирени прятались тяжелые фиолетовые кисти. От густого аромата весны кружилась голова, и медовый птичий пересвист сладкой музыкой затекал в уши. А солнечный свет – как россыпь желтых одуванчиков на тропинке. И такая тоска грызла сердце, что оно, несчастное, билось тяжело и пугливо замирало, словно умоляя: «А может, не надо... может, не надо... не надо, а?»

Презрев его малодушные просьбы, Кевин смело шагнул к будке, а точнее расписному деревянному домику, где – за полукруглым окошком – с раскрытой книгой на коленях коротал время служитель, и не успел постучать, как тот поднял голову.

– Ты чего-то хотел, приятель? Заходи, – пригласил он радушно.

Кевин вошел и молча протянул ему разрешение на эвтаназию.

Служитель пробежал бумагу глазами.

– Ты уверен?

– Да.

– Точно уверен?

– Давай без этой клоунады, – не выдержал Кевин.

Его бил нервный озноб, и ладони противно вспотели. Тайком от хозяина будки он вытер их о брюки.

– Дурак, – коротко ответил служитель и вышел из домика, жестом приказав Кевину следовать за собой.

Они прошли по золотой от солнца песчаной дорожке и остановились под самой каруселью, на небольшой площадке, где песок странно хрустел под ногами и казался темным и пятнистым.

– Полагаю, анестезия тебе не нужна? Потому что там, – он взглядом указал вверх, – будет очень больно. Ты даже не представляешь себе как. Гораздо больнее, чем сейчас. В общем, привыкай.

– Что? – испуганно переспросил Кевин, бледнея. – К чему привыкать?

Он только сейчас заметил, что держит в опущенной руке служитель.

– Я думаю, тебе лучше раздеться. Чтобы не запачкать кровью рубашку. Мы должны быть чистыми до конца, если ты понимаешь, о чем я. А впрочем, как хочешь, я не настаиваю.

Яркий свет, отраженный клинком, ударил ему в лицо, и Кевин беспомощно заморгал. От одной только мысли о предстоящем сильно заломило плечи.

– А без этого никак? – спросил он дрогнувшим голосом.

– Сожалею, но нет. Иначе ты просто слетишь с карусели и ничего не получится. Но ты еще можешь передумать, – добавил служитель мягко. – Эвтаназия – добровольная процедура. Не наказание.

Кевин закрыл глаза, судорожно вздохнул, снова открыл... и принялся дрожащими пальцами расстегивать одежду.

Не прошло и пяти минут, как все было кончено. Служитель взмахнул мечом, и оба белых крыла упали на землю, и застыли, как два больших сугроба, запачканные красным. Кевин зашатался, чувствуя, как по спине, между лопатками, струится кровь, горячими ручейками стекает вниз и впитывается в темный песок у его ног.

Его мутило, и перед глазами плясали цветные пятна. Он не сопротивлялся – да и не смог бы, – когда служитель грубо обхватил его за плечи и впихнул на нижнее сидение карусели.

– Приятного путешествия в ад, приятель, – напутствовал он, пристегивая Кевина ремнями к жесткому креслу и сверху опуская на него, почти потерявшего сознание от боли, толстый стальной поручень. – Встретимся лет эдак через сто. Потом расскажешь, как там было.

И карусель двинулась. Медленно, как отъезжающий от остановки трамвай. Как огромный, неповоротливый корабль от причала. Над парком, над ослепительно белым, точно сахарным, городом, плывущим по бледно-розовым волнам цветущего райского сада, над всем, что Кевин знал и любил. В бездонную сапфировую вышину – и снова вниз, в зелено-бело-розовую бездну, в тошнотворное чувство невесомости. Первый оборот колеса – круг прощания.

Потом карусель начала набирать скорость. Пейзаж смазался и потек, обратился в цветные линии, зигзаги, кляксы. В мире рождался ветер, постепенно превращаясь в настоящий ураган. Он причинял боль – не такую сильную, как обещал служитель, но все же достаточно мучительную, чтобы Кевин не вытерпел и слетел с карусели... Но крыльев у него больше не было, а путы не позволяли сдвинуться с места. Обессиленный и связанный, он покорился стихии вращения. Снова начали наплывать картины, страшные и четкие, словно вырезанные на внутренней стороне век. Дым над сожженными городами. Копоть и кровь. Полумертвые люди, хоронящие своих мертвецов. Беззвучный плач... Лес могильных крестов и глубокие ямы в земле. Ветер бесновался и ревел, пока каким-то чудом не превратился в свою противоположность – оглушительную тишину смерти. Из рая Кевина вышвырнуло на просторы Вселенной, в открытый космос, в черную ночь и сверкающий звездный хаос.

Последним, что он увидел, была голубая планета, окутанная рваным туманом облаков. Задымленная, истерзанная, охваченная жестоким огнем. И все-таки – прекрасная космическая жемчужина.

К ней и отлетела его уставшая от вечности душа.

ПРОЗА

Всеволод Круж

(МОССАЛИТ, Москва)

КВАРТИРА В АРЕНДУ

Пустая квартира, совсем без мебели. Зато ремонт хороший, все чистенько. И, странное дело, много светильников, бра, подсветок. Вот здесь, судя по всему, альков, там должна стоять кровать. По периметру потолка светодиодная лента, яркая такая. А вот эта люстра как включается?

– Вот здесь, Серега. Сразу и не заметишь, – слышу за спиной Вовкин голос, его рука показывает на выключатель.

Руку вижу, а самого Вовку – нет. Не оборачиваюсь, иду дальше, изучаю необычную планировку. Необычную, потому что в квартире нет дверей, даже в санузел. Только входная и... вот эта. Но эта дверь без ручки. Куда она ведет?

– Толкай, Серега!

Прикасаюсь к ней. Она покрыта слоем смазки. Я не заметил, вляпался. Хорошо, что только кончиками пальцев. Стараюсь обтереть об ладони. Запачкался еще больше. Теперь уже все равно.

– Толкай сильнее!

Толкаю. Дверь поддается. За ней – темнота...

Я стою посреди площади в большом городе. Вроде бы в Москве, есть что-то знакомое в окружающих домах. Но почему-то нет машин, совсем нет. Не помню, как здесь оказался. Прислушиваюсь к себе. Страх и беспокойства нет. Есть ощущение, что все нормально, так и должно быть. Только память плохо работает.

Деловой походкой через пустую площадь приближается Вовка. Вот Вовку помню. В одной руке у него портфель, в другой – бумаги, которые он просматривает на ходу.

– Как дела? – спрашиваю, когда он подходит близко.

Отрывается от чтения бумаг, убирает их в портфель, смотрит на меня изучающе.

– Как обычно. Вот, возьми, здесь половина, как мы и договаривались, – протягивает небольшую пачку банкнот.

Странные бумажки, очень яркие краски на них. Темно-бордовая с цифрой пятьдесят. А вот фиолетовая трешка с яркими блестками. Наклонишь купюру, а они переливаются. Не помню таких. Сколько же здесь? Что на них можно купить?

– Потом рассмотришь, пошли к нам.

Иду за Вовкой. Радостно на душе, спокойно. А вот когда захожу к нему домой, Ира выглядит почему-то встревоженной.

– Плохо выглядишь. Может, больше не надо туда ходить? Ведь тебе уже почти семьдесят.

Она внимательно всматривается в мое лицо. Что там не так? Какие семьдесят? Что за ерунда? Гляжу на себя в зеркало. Черные густые волосы, нет морщинок на лице. Ну, может, намечающиеся мешочки под глазами. Сколько мне? Лет тридцать, не больше. Вовка-то вообще на двадцать выглядит. От силы на двадцать пять. Ира молодая. Ну, это понятно, они спортсмены, дома не сидят, в путешествия всякие ездят. И чем более дикие места, тем для них лучше.

Вовка сегодня какой-то озабоченный.

– Да, Серега, ты уж поосторожнее.

Да что с ними такое! Я себя прекрасно чувствую, давно такого не было. Мы так и стоим в прихожей.

– Ты, может, перекусить хочешь? – спрашивает Вовка и смотрит на Иру.

– Да, проходи на кухню, – спохватывается она, но в голосе слышна неуверенность.

– Нет, спасибо, мне пора домой.

Я прислушиваюсь к себе. Действительно, есть не хочется, зачем друзей напрягать. Они, похоже, тоже не собирались трапезничать. Теперь бы вспомнить, где мой дом...

Еду в трамвае. Я вспомнил, что надо сесть в трамвай и он довезет до дома. Многое что вспоминается. Когда возвращаешься, какое-то время находишься в эйфории. Но при этом память подводит. А потом все восстанавливается.

В вагоне никого, только Сашка напротив сидит. Поправляет длинные, слегка волнистые волосы, прикрывающие уши. Улыбается в усы. Много о чем хочется его спросить, но я знаю, что он не ответит.

Давно, много лет назад, именно он предложил нам с Вовкой на троих арендовать квартиру. Одному дорого, не потянуть. Но уж больно силен был искус. У Сашки был такой принцип – надо в жизни все попробовать. Уж не знаю, все ли он пробовал, но квартира в аренду – это было очень серьезно! Мы слышали о ней, но не решались, уж больно рискованно. А Сашка решился. Первую аренду оплатил сам, потом подбил Вовку, потом меня. Оно того стоило!

Первый раз было страшно. Вовка вызвался гидом, все мне показал, напутствовал, что надо делать. Только я эти напутствия сразу же забыл, когда оказался там, за дверь. Я спрашивал, так, оказывается, у всех. Память отшибает напрочь, как будто новую жизнь начинаешь.

Надо только толкнуть дверь, густо смазанную противной смазкой. Наверное, так сделали для того, чтобы заставить лишний раз крепко задуматься, надо ли тебе это...

Просыпаюсь. Луч солнца греет щеку. Если немного повернуть голову, будет слепить глаза. Я опять не до конца задернул штору, когда прикрывал окно. С первого этажа доносится запах кофе. Света встает раньше, готовит завтрак. Наверное, запах кофе меня разбудил. Или солнце. Или тьякване собаки – зовет меня: что это я так долго в кровати валяюсь. Пусть не рассказывает сказки, я уже с ней погулял. Мы рано выходим, с рассветом. На зорьке в поле мыши хорошо ловятся, а в лесу еще грибников нет. Сначала она меня сопровождает, пока я грибами корзинку наполню. А потом я на бревнах сижу – жду, когда она наохотится. Негласная договоренность у нас такая. А потом дома я ее кормлю и ложусь досыпать.

Умываюсь, спускаюсь на завтрак. Поцеловать Свету в щечку – приятная традиция, которую нельзя нарушать. Есть много приятных традиций у пенсионеров. Смешно, но когда-то казалось, что на пенсии будет скучно, придумывал, чем бы себя можно занять. Ерунда какая! Времени не хватает, прямо хоть спать не ложись.

– Мне сегодня такой сон странный приснился.

Пересказываю сон про квартиру с дверью без ручки, про то, как Сашку видел.

– Он же умер пять лет назад, – удивляется Света.

Да, умер. Но сон был такой отчетливый, цветной, будто бы наяву. Надо бы рассказ про него написать. А ведь есть повесть неоконченная. Да еще несколько сюжетов для повестей, которые и не начинал писать. Нет, сначала рассказ. Его можно быстро закончить, да и сон пока что отчетливо помнится.

– Какой у нас сегодня план? – спрашивает Света.

– Ну-у, текущие работы по саду-огороду да за компьютер.

Света о чем-то задумывается, потом соглашается.

– Ладно, хорошо.

Что-то забыл, что обещал сделать, но она решила не напоминать. Не буду уточнять. И, пожалуй, изменю порядок: сначала за компьютер...

– Вовка, а ты не знаешь, было ли что-то необычное, когда Сашка уходил последний раз?

– Да как узнать-то. Он вернулся и уже больше никогда ничего не говорил. Ты же помнишь, он нас пригласил к себе. Хорошо так посидели втроем, давно не встречались. Поговорили. Он веселый такой был. А потом ушел.

– Это понятно. Интересно, был ли какой-то знак там, в арендованной квартире? А вот ты, Вовка, вспомни, когда там, в другой жизни, у тебя тромб оторвался, в больнице еле откачали, что-то было странное? С дверью, например?

– Да, точно, дверь вроде как скрипнула. Но я тогда подумал: показалось. Хм, может, в этом дело. А ты, Серега, что будешь делать, если дверь скрипнет?

А что я могу ответить?

Уже не сосчитать, который раз все повторяется. Я возвращаюсь из другого мира. Вовка меня встречает, передает гонорар. Половину, как мы и договаривались. Он мой литературный агент. Это удобно. Как попадает сюда то, что пишу там, не знаю. Где публикуются мои опусы, тоже мне неизвестно. Но видимо, пользуются спросом, раз получаем деньги. Странные деньги, которым я не знаю применения. Кроме одного...

Я опять не доеду домой. Выйду на одну трамвайную остановку раньше. Зайду в офис с табличкой «Аренда недвижимости». Вовка говорил, что последний раз оплатил, но уже подходит новый срок.

– Я хочу заплатить за аренду квартиры.

Протягиваю пачку купюр. Тоненькую пачку. Я никогда не пересчитываю эти деньги. Какая разница? Важно не сколько их, а хватит ли...

Девушка за стойкой что-то выстукивает на клавиатуре, поглядывая в монитор. Ни о чем не спрашивает. Интересно, откуда она знает, какую квартиру я оплачиваю?

Закладывает деньги в счетчик купюр. Шелестит разноцветная веселая пачка. На сдачу протягивает фиолетовую трешку с блесками. Ура, хватило!

В который раз обхожу квартиру. Традиция такая. Иногда что-то меняется. Нет, мебели не добавляется, зачем она здесь? Никто ведь не собирается спать, есть, телевизор смотреть. Не за этим сюда приходят. Иногда добавляется или исчезает какое-то освещение. Что оно означает? Вот здесь был выключатель, точно помню. А сейчас его нет. Обращаю внимание на новое бра. Хорошо бы включить, посмотреть. Знать бы, какой выключатель. Сашка еще давно заметил, что если пробовать все подряд, сильно увеличивается стоимость аренды. Надо экономить на всякий случай.

Подхожу к двери. Бегло осматриваю. Вроде все как обычно. Есть непонятно откуда возникшее беспокойство. С чего бы вдруг? Выдыхаю. Толкаю дверь. Что-то она тяжело открывается. Скрипнула? Последняя мысль перед провалом в темноту – нет, только показалось...

Сегодня у нас на завтрак пышный двуслойный омлет. Как Света делает такую вкуснятину? Уму непостижимо!

– А на обед к чаю будут профитроли. Давай попробуем сделать с сыром или ветчиной.

– Нет, не надо. Мне нравятся профиндюли со сладкой начинкой.

Намеренно коверкаю смешное слово, стараясь развеселить Свету. Видно, что у нее сегодня неважное самочувствие. Да и у меня голова болит.

За окном тучи, надвигается грозовой фронт. Прогноз неутешительный: сильный ветер, дождь. В такую погоду хорошая собака хозяина гулять не выгонит. Вот и будем сидеть дома. Что нам, заняться нечем?

– Я сегодня в огород не пойду. Какой у нас план? – спрашиваю Свету.

– Надо бы в магазин сходить, у нас масло кончилось.

Из-за пачки масла в магазин идти? А если дождь? Да и деньги на карточке кончились. Надо посмотреть, осталась ли наличка в кошельке. Раскрываю кошелек. Кое-какая мелочь есть. И вот купюра какая-то странная, фиолетовая, с блестками. Есть такое поверье, что если держать в кошельке доллар или евро, то они будут притягивать туда деньги. А это что такое? Юань, что ли? Никогда юаней не видел.

– Давай сходим в магазин, когда пенсию получим. Завтра-послезавтра должны перевести. Потерпится?

– Ну хорошо. Тогда... – Света сделала паузу. – Ты так и не помнишь, что мне обещал?

– Забыл. Напомни.

Действительно, чаще стала память подводить. Надо бы сходить к врачу. Вот от аритмии кардиолог хорошо помог, правильные таблетки подобрал. Совсем другое дело.

– Ты обещал дверь починить.

– Да? А что с ней?

Ведь в самом деле забыл.

– Ручка отваливается, и петли скрипят.

Что-то подзабытое вспыхнуло в памяти. Резануло в груди, перехватило дыхание. Нет! Не может быть!.. Я не хочу терять то, что у меня есть в этой жизни! Подумаешь, атмосферный фронт накатил! Подумаешь, какая-то дверь скрипит!

– Что?!!

НАУЧИ МЕНЯ ЛЕТАТЬ

– Пап, а когда мы полетим?

– Вот будет у нас с мамой отпуск, вещи соберем, сядем в самолет и полетим к морю.

– Я не хочу в самолет. Я хочу как птицы. Вот так махать крыльями...

– Да успокойся ты, егоза. Сядь, не топочи. Мы так не умеем.

– А почему не умеем, мам?

– Это тебе папа лучше расскажет.

– Пап, ну пап! Ведь птицы летают на юг, а потом возвращаются обратно. Ты же сам мне рассказывал.

– Птицы – летают. Но они очень устают. Несколько дней летят с остановками, с отдыхом. А бывает, и под дождь попадают, насквозь промокают. У них же зонтиков нет. А в самолете – сел в кресло, и через пару часов ты на месте.

– В самолете – это не так. Я хочу как птицы. Пап, научи, научи, научи!

– Вы мне дадите фильм посмотреть?! Идите в спальню и там учитесь!

– Хорошо, идем.

– Ура, ура! Я научусь летать!

– Но это не так просто. Надо долго тренироваться.

– Я буду долго тренироваться, буду, буду!

– Очень долго!

– Я очень долго буду!

– Ну хорошо. Вот кровать. Пролети над ней... Ну нет, ты не летишь, ты плюхаешься.

– А как надо? Надо руками как крыльями махать?

– Попробуй.

– У меня не получается. Я даже один раз не успела махнуть, а уже плюхнулась.

– Я же тебе говорил, что это трудно. И вообще, люди не умеют летать.

– Умеют, умеют! Я же видела, как вы с мамой летали!

– Где это ты такое видела? Тебе приснилось, наверное.

– Видела! Видела! Научи! Научи!

– Ладно, ладно. Только не плачь! Скажи, а тебе снятся такие сны, когда ты летаешь?

– Да, часто.

– Ну вот, видишь, значит ты умеешь летать.

– Нет! Я не хочу во сне. Я хочу взаправду.

– Уф-ф... Ну тогда начнем тренировки. Вспомни, как это было во сне, и попытайся сделать так же... Ну нет, ты опять плюхаешься. Давай еще раз... Еще... Вот и тренируйся пока, а я пойду к маме фильм смотреть.

– Нет, папа! Я так никогда не научусь! Ты мне должен показать!

– Показа-ать?!

– Да, покажи, как надо!

– Да не умею я!

– Врушка ты, папа! Я знаю, ты все умеешь!

– Ну вот, видишь, тоже плюхнулся.

– А я видела, видела! Ты сначала немножко завис над кроватью, а уже потом плюхнулся. Ты нарочно плюхнулся! Покажи, как надо! Покажи!

– Ты же все видела... Нет, не так. Ты хочешь сразу вверх полететь, а так не получится. Отталкивайся так, чтобы парить над землей... Ну, над кроватью. Руки в стороны расправь, не поджимай их под себя. Не сутулься, спину ровно держи. Давай еще раз... А вот теперь взмахни руками. Сильнее. Еще сильнее... А несколько раз получится?

– Пап, я уже летаю!

– Ну нет, только секунду продержалась.

– Целую секундочку! А потом буду больше летать. Я научусь!

– Ты устала. Ложись спать, и пусть тебе приснится полет. А ты запоминай, чтобы завтра повторить. Завтра вечером у нас следующая тренировка. Спокойной ночи!

– Угу! И тебе спокойной ночи!

- Ну все, она спит.
- Так быстро? Как тебе это удалось?
- Нашел хороший способ. Не знаю только, надолго ли хватит?
- Учишь ее летать?
- Ты знаешь, у нее даже начинает получаться.
- Да ладно! Не смейся!
- И она сказала, что видела, как мы с тобой летаем.
- Когда это? Мы давно этого не делали.
- Ну так пошли, полетаем. Идем на балкон!
- Я боюсь! Забыла, как это!
- Вспоминай! Распрямись, руки в стороны, плавно толкайся. Я с тобой, подстрахую.
- Ой!
- Не забывай руками взмахивать! Ты ленишься. Давай руку, я подниму тебя повыше.
- Полетели вон на ту крышу, мы там еще ни разу не были.
- Как скажешь. Тебе не холодно?
- Нет, хорошо. Ветерок так ласково обдувает.
- Приземляйся. Вот так, осторожно. А ты говоришь – забыла.
- Такие яркие звезды! С земли такого не увидишь. А ты помнишь, что обещал полететь со мной к звездам?
- Хм, это же так далеко! А как же наш птенчик?
- Вот ты ее научишь, и все втроем полетим.
- Ладно, уговорила. Завтра пойдем в парк, потренируемся над травой. А потом, если будет получаться, взлетим над деревьями.
- Только чтобы никто не видел!
- Ну конечно. А ты с нами?
- А как же! Мне ведь тоже надо тренироваться!

ТРИ ЖЕЛАНИЯ

Каждый вечер перед сном они с собакой на поводке прогуливались по улочкам дачного поселка. Собака, днем с энтузиазмом носящаяся по грядкам и по посадкам с плодовыми кустами и с особым собачим рвением рвущая все, что плохо лежит, к вечеру успокаивалась и чинно совершала променады, изредка задерживаясь на обочинах в тех местах, где ее друзья-подружки оставляли письма. Под каждым прочитанным посланием она исправно оставляла и свою подпись. Все в пределах допустимой свободы действий и длины поводка, так что хозяевам не было необходимости отвлекаться от созерцания благостной пасторальной картины теплого вечернего вечера.

– Как мне нравится гулять на даче! Не то что в городе. Не надо переодеваться, накрашиваться. Скинула домашние тапки, сунула ноги в шлепки, накинула куртяшку – и все!
– Угу.

Ее муж думал о чем-то своем и намечающийся разговор не поддержал. Она обиделась. Не то чтобы сильно, но заметно.

- Ты меня совсем не любишь.
- Ну почему же?

– Когда ты последний раз говорил, что любишь меня?

– А что, надо каждый день об этом говорить?

– Да, и по несколько раз.

Они надолго замолчали.

Он так и не сказал, думала она. Наверное, кого-то на стороне завел. На работе или вон соседка по даче ему глазки строит, хоть и сама замужем.

Какая же странная штука, эта любовь, думал он. В первое время ценилось совсем не то, что сейчас. Думалось, какая она красивая, веселая, как классно с ней обниматься, целоваться и все такое. А сейчас? Вот она переживает, что не накрасилась, а значит меньше ему нравится. Чепуха какая! Все равно она помнится и воспринимается той, юной. А житейские невзгоды, которые пришлось пережить, только сплотили, сделали одним целым, настоящей семьей. Ради нее и вместе с ней он готов хоть куда: хоть в ремонт, хоть в переезд, хоть на кухню к плите, хоть в ипотеку. Хотя нет, ипотека – еще рановато, несмотря на планы по увеличению семьи и жилплощади для ее размещения.

– Мы когда ипотеку возьмем и переселимся наконец в квартиру побольше? Мне рожать некуда. Так и останешься только с дочкой, без сына.

– Сейчас тяжело будет. Вот скоро должны повыситься, а за это время накопим побольше на первоначальный взнос.

– Смотри, дождемся, когда уже не получится.

Раздалось громыхание проезжающего грузовика. Звук приближался, усиливался, отраженный заборами. Пришлось посторониться, прижавшись к воротам одного из участков. Пыль и едкий запах выхлопных газов окутал улицу.

– Достали уже эти соседи со своей бесконечной стройкой! – Она не на шутку рассердилась. – Весь день тарыхтят. То миксер с бетоном ни свет ни заря шумит, то стройматериалы везут, когда уже все спать собираются. Ребенка разбудили, наверное. Пошли скорее домой!

– Не торопись. Там бабушка. Она, если чего, присмотрит. Давай свернем сюда, тут пыли поменьше.

Она понемногу успокоилась, пыль понемногу осела. Звезды вновь приобрели свой загадочный яркий блеск.

– А ты знаешь, что сегодня звездопад? В новостях было такое сообщение. Если увидишь падающую звезду, обязательно загадай желание.

– Ну, если успею. Они так быстро пролетают.

– У тебя должно быть заготовленное желание. У меня их целых три. Вот бы звезда выполняла три желания! Представь, в ней такой аквариум с золотой рыбкой... Летит! Ты успел?

– Не знаю. А ты видела, куда она упала? Мне показалось, что прямо к нам на участок.

– Бежим скорее, найдем, пока не погасла!

Ошарашенная собака вынуждена была перейти на бег, еле поспевая за натянутым поводком.

В углу участка под яблоней что-то мерцало, неясно и призрачно. Издалека разглядеть было невозможно. Свет уличного фонаря сюда не доставал. Осторожно, на цыпочках, они приближались к странному объекту...

– Ничего себе! Наша звезда оказалась смартфоном. Вот тебе и подарочек из дальних миров! Смотри, какая заставка у него интересная: золотая рыбка плавает и три стрелки. Куда пойдём?

– Помнишь, как в сказке: налево пойдешь – коня потеряешь...

– Собаку, что ли? Нет, тут другая история. Это похоже на три желания.

Она еще немного подумала и провела пальцем вдоль левой стрелки.

Смартфон включился, обнажив свои информационные внутренности на самом интересном месте – фотографиях какой-то смазливой девицы во фривольных позах в нижнем белье.

– Это еще кто?!

– Понятия не имею!

Огонь ревности разгорается быстро, от малейшей искры. Почему-то у некоторых людей для него всегда заготовлены сухие дровишки. Чирк! – и сгорел семейный дом! А тут не просто «чирк» – факел кто-то услужливо поднес.

– Ага, ты специально второй телефон завел, чтобы с ней общаться! А я-то думаю – что это ты на работе стал допоздна задерживаться!

Легкой поземкой прошуршал ветерок, вороша первые опавшие с яблони листья, раздувая молодые несмелые огненные росточки. Разгорается костер ревности, не остановить. Быстро и неотвратно сгорают деревянные дома. Вот и на соседский дом огонь переметнулся. Без толку вмешиваться прибежавшим доброхотам. К чему теперь горькие рыдания на пепелище!

– Слушай, сосед, покажи-ка смартфон! Это же мой. Жена его через забор забросила, когда увидела фотки с любовницей. Глупо спалился!

– Ты не только сам спалился, но и меня спалил.

– Ну, значит, некрепкая у вас была семья.

– Да иди ты ... !

– Я-то тут при чем?

– Я тебе куда сказал идти!

Жизнь была наполнена заботами, надеждами, планами, нежными чувствами. И тут в одночасье – разгерметизация в высоком полете. Вакуум высасывает душу. И вот она уже летит одиноко в бескрайнем и холодном космосе...

– Летит! Ты успел загадать желание?

– Не знаю. А ты видела, куда она упала? Мне показалось, что прямо к нам на участок.

В углу под яблоней что-то мерцало, неясно и призрачно. Издалека разглядеть было невозможно. Свет уличного фонаря сюда не доставал. Осторожно, на цыпочках, они приближались к странному объекту.

– Ничего себе! Наша звезда оказалась смартфоном. Вот тебе и подарочек из дальних миров! Смотри, какая заставка у него интересная: золотая рыбка плавает и три стрелки. Куда пойдём? Давай... ну, скажем... направо...

Она провела пальцем вдоль правой стрелки.

– О, смотри, нам одобрена ипотека! Ура-а-а!

– Не нажимай!

Но было поздно.

– А что такого? Мы же хотели переехать в другую квартиру.
 – Но ты же даже не посмотрела условия! Какой процент? Есть ли залог? Что будет, если вдруг просрочим платеж?
 – Но мы же не собираемся просрочивать!
 Звякнул его смартфон, оповещая о новом сообщении в мессенджере.
 – Что там? Любовница пишет?
 – Это по работе... Что-то там случилось... Нашу контору закрывают!.. Ну все, я теперь безработный..
 – Как?! А ипотека? Ты же ведь устроишься на новую работу и все будет в порядке?
 – Как ты не понимаешь! Здесь я уже три года работаю. Наконец-то наметился карьерный рост. Вот-вот должны были зарплату прибавить. А на новом месте надо начинать заново. Мне такие деньги сразу никто платить не станет. Ипотека! Сколько нам по ней платить? Где тут договор?.. Ого! А «в случае неуплаты»... А-а-а!

В бессильной ярости он схватился за голову, бил кулаками туристический столик, стоящий под яблоней, пока не пробил дыры в столешнице, разломал складные стулья...

Не стоит подходить к человеку в таком состоянии. Надо подождать, когда у него сядут батарейки.

Он сидел на мокрой от вечерней росы траве, полностью разряженный. За кустом смородины протяжно и тоскливо скулила собака. Испуганная жена боялась подойти к нему с напрашивающимся вопросом. Через некоторое время он очнулся и бесцветным голосом произнес:

– Мы вынуждены будем отдать нашу квартиру и машину. Еще не знаю, хватит ли, чтобы расплатиться. Придется разъехаться по родителям, аренду пока тоже не потянем.

С чем можно это сравнить? Смерч? Торнадо? Землетрясение зашкаливающей магнитуды? Нет имущества – как и не было. Ни движимого, ни недвижимого. Пустота, как будто летишь одиноко в бескрайнем и холодном космосе...

– Летит! Ты успел загадать желание?
 – Не знаю. А ты видела, куда она упала? Мне показалось, что прямо к нам на участок.
 В углу под яблоней что-то мерцало, неясно и призрачно. Издалека разглядеть было невозможно. Свет уличного фонаря сюда не доставал. Осторожно, на цыпочках, они приближались к странному объекту.

– Ничего себе! Наша звезда оказалась смартфоном. Вот тебе и подарочек из дальних миров! Смотри, какая заставка у него интересная: золотая рыбка плавает и три стрелки. Куда пойдём? Давай...

– Подожди, подожди, только не в сторону! Идти надо всегда прямо к намеченной цели!

Она провела пальцем по стрелке, ведущей вверх.

Ба-бах!

Оглушительный взрыв прогремел где-то недалеко, на соседней улице. Грохот осколков по листам металлического забора, у которого они стояли, заставил их присесть. Зарево разгорающегося пожара окрашивало окрестные строения в зловещие багровые тона. Заверещали автомобильные сигнализации. Послышался вой сирен приближающихся пожарных машин, машин скорой помощи и полиции.

– Что это? Как это?

Она с ужасом смотрела на смартфон, который судорожно сжимала в руке. Ее муж рванулся на улицу узнавать, что случилось.

Пожарные безуспешно тушили пожар. Скорые грузили в машины накрытые полотном тела. Сотрудники полиции опрашивали свидетелей.

Она не помнила, как майор осторожно вынул смартфон у нее из рук и положил в целлофановый пакет. Она не слышала, как что-то пытался объяснить ему муж, отчаянно жестикулируя.

Нажимая кнопку, она чувствовала, что произойдет. Нет, не знала наверняка. Откуда ей знать, что это – пусковая кнопка для взрыва бомбы, заложенной в дом противного соседа, своим вечным строительством не дающего спокойствия всему поселку. Но тот, кто придумал теракт, рассчитал все правильно.

Действие совершено. Наказание неизбежно.

О чем она думала, покорно идя к полицейской машине вслед за майором? Ни о чем. Все мысли, все чувства оказались высосаны чудовищным поступком, который она, сама того не ведая, совершила.

Пустота, как будто летишь одиноко в бескрайнем и холодном космосе...

– Летит! Ты успел загадать желание?

– Не знаю. А ты видела, куда она упала? Мне показалось, что прямо к нам на участок.

В углу под яблоней что-то мерцало, неясно и призрачно. Издалека разглядеть было невозможно. Свет уличного фонаря сюда не доставал. Осторожно, на цыпочках, они приближались к странному объекту.

– Ничего себе! Наша звезда оказалась смартфоном. Вот тебе и подарочек из дальних миров! Откуда?

На туристическом столике мерцала зажженная свечка. Бутылка красного вина переливалась бордовыми красками. Два фужера, вазочка с фруктами. Перевязанная лентой с бантиком коробочка с прислоненным к ней смартфоном дополняли романтическую картинку.

– У тебя же сегодня день рождения!

– Завтра.

– Нет, уже сегодня. Время – пять минут первого.

– Классный подарок! А как ты подстроил падение звезды?

– Ну, это несложно – позвонил кому надо, договорился...

– Да ну тебя! Нет, правда, интересно же.

– Я ведь тоже новости читаю. Знаю, что сегодня звездопад. Звезды пролетают так быстро. Не заметишь, куда падают. Я тебя убедил, что к нам на участок.

Мерцают огоньки в их глазах. Только не говорите мне, что это отблеск свечи. Это огоньки любви. А когда они сливаются воедино... О да, такое случается...

– А ты какое желание загадывала?

– Ты хитрюшка, ты знал, что мне хочется именно такой смартфон. А как же мы будем копить на ипотеку?

– Ничего. Возьмем на пару месяцев позже. Тем более я на работе какое-то время задерживался, важное дело закончил, мне должны хорошую премию выписать.

Внезапно тишину разорвал звук фейерверка, небо раскрасили рассыпающиеся огненные шары. Собака взвизгнула и побежала к входной двери.

– Ого! У кого-то сегодня праздник!

– А как же! У тебя день рождения!

– Но салют же не мы запускаем.

– Я с соседом договорился. Между прочим, с тем, который строительство никак не закончит. Отличный мужик оказался. Сильно извинялся за неудобства, но, говорит, по-другому никак не получалось. Обещает скорое завершение. Закидывает удочку, чтобы нас на новоселье пригласить. У них тоже дочка и примерно такого же возраста, как у нас. Глядишь, подружимся.

– А что, хорошо! Друзей много не бывает. Спасибо тебе! Такой праздник устроил!

– Ты так и не ответила, что загадала, когда звезда упала. Ладно-ладно, пусть это будет твоим секретом. Только учти: с желаниями надо быть поосторожнее.

Что он имел в виду под этими словами? И что же она все-таки загадала? Как это говорится – одному богу известно? Летит себе это желание... А может, три желания?.. Летит одиноко в бескрайнем и холодном космосе. А вокруг пустота...

А может, и не пустота. Сколько их нашли свое последнее пристанище на Кладбище Неосознанных Желаний? Покойтесь с миром! И лучше, если где-нибудь подальше от Земли. И не вздумайте возвращаться обратно падающими звездами!

Екатерина Клочкова.

Серия «Русский Север. Ярославской области посвящается...». Графика. 2022 г.

ЗАПИСКИ НА МАНЖЕТЕ

Ольга Рыбакова

(МОССАЛИТ, Москва)

МНЕ БЫ В НЕБО

Работая над книгой о взаимоотношениях разных поколений внутри одной семьи, психолог Светлана Комиссарук придумала два термина, которыми обозначила противоположные по типу мотивационные фокусы, управляющие нашим поведением. Тех, кто стремится вперед любой ценой и боится упустить свой шанс, она назвала «икарами», рвущимися вверх навстречу обжигающему солнцу. А те, у кого в приоритете стабильность и безопасность, получили название «атланты». Они держат на плечах небо, чтобы оно не обрушилось на нас. Икары, по мнению Светланы, – всегдашние оптимисты, не боящиеся ошибок, идущие по жизни от одной большой идеи к другой. Атланты же всегда дисциплинированы, организованы, делают все в срок и отвечают за все.

Если мысленно визуализировать картинку, то лично я вижу икаров молодыми стройными юношами, взмывающими ввысь на распростертых руках-крыльях. Фоном для их радостного полета служит раннее июньское утро, безоблачная синева и нежно-теплое золото солнца. Достаточно предсказуемая картинка. Но еще более банально мое видение атлантов: угрюмые лица, склоненные бородатые головы, мокрые от ноябрьского дождя плечи стражей питерского Эрмитажа. Холодно и неуютно.

Я не хочу разбирать здесь различия между икарами и атлантами. Психология – удел профессионалов. Мне нравится то, что их объединяет, – небо. Одни его пронзают, другие держат, но для обеих сторон небо – это сфера притяжения.

Оно завораживает. Оно не умещается в сознании. Оно может дарить восторг и ощущение всемогущества и может придавить свою тяжестью. Но оно не может оставить равнодушным.

Человек не оставляет попыток «привязать» себя к небу. Способы многообразны и не всегда очевидны. Самый доступный – просто поднять глаза и взглядом замкнуть соединительную линию «я – небо», оставив за скобками земное притяжение и суету повседневности. Помните эпизод «Небо Аустерлица» в романе Толстого? Раненый Андрей Болконский падает на спину и, глядя в небо, перестает замечать происходящее вокруг: «Как же я не видал прежде этого высокого неба? И как я счастлив, что узнал его наконец. Да! Все пустое, все обман, кроме этого бесконечного неба. Ничего, ничего нет, кроме его».

Глаз можно вооружить, например, фотокамерой. Многие из тех, кто увлекается фотосъемкой, признаются, что любят фотографировать облака. Причудливая форма и цветовая палитра облаков в зависимости от времени суток создают картины, которые могут поспорить со многими рукотворными живописными полотнами. Всего лишь одно нажатие пускового затвора, и остановлено прекрасное мгновение – твоя вполне конкретная связка с небесной красотой.

Братья Монгольфье подарили человечеству возможность не просто соединиться с небом, но и погрузиться в него, плавать в воздушном океане. Парение воздушных шаров над равниной в рассветные часы завораживает торжественной красотой, даже если вы наслаждаетесь этим зрелищем, стоя на земле. Те же, кто поднимался в воздух в корзине воздушного шара и не потерял от страха способность воспринимать окружающий мир, рассказывают об эмоциональном катарсисе и неотступном желании переживать опыт полета вновь и вновь.

Оставим в стороне высокотехнологичные летательные аппараты – вертолеты, самолеты, ракеты. Да, удобно при перемещении в пространстве. Да, быстро. Да, нужно для прогресса. Но это уже не связь с небом, это его покорение. Подчинение своим нуждам не имеет ничего общего с равноправными отношениями. Подчинить – это значит приковать цепями. В цепях нет ни свободы, ни красоты.

Уносясь мыслью в мечты или какие-то особенно дорогие сердцу воспоминания, мы чаще всего поднимаем глаза к небу. Это неосознанное движение глазных мышц лишней раз доказывает нашу внутреннюю тягу к безбрежному, прекрасному океану, обнимающему нашу Землю голубым сиянием.

Остается только восхититься умением великого философа Иммануила Канта так тонко и точно сформулировать мысль, бесплодно пытающуюся пробиться сквозь твое собственное косноязычие: «Две вещи наполняют душу всегда новым и все более сильным удивлением и благоговением, чем чаще и продолжительнее мы размышляем о них, – это звездное небо надо мной и моральный закон во мне».

Екатерина Ключкова.
Серия «Русский Север.
Ярославской области посвящается...».
Акварель. 2022 г.

ДЕТСКОЕ ЧТЕНИЕ

Мария Мельникова
(Москва)

ШЛЯПА И БЕЛЫЙ КРОЛИК

Это была ничейная шляпа. Ей было столько лет, что и не сосчитать. Кролик точно не мог. Он в очередной раз пытался, но...

«Эту шляпу сшил парижский портной для модного магазина – раз ...» – загибал пальцы на лапах кролик.

Она принадлежала тогда одному заносчивому манекену. А как же? Он носил шляпы, а заезжие денди за ним донашивали. Мода – великая сила, и статус без нее как бы не совсем полный.

Затем шляпа венчала голову одного серьезного джентльмена, и ей часто приходилось проветривать его консервативные мысли, когда он приподнимал ее, встречая очередную даму. В эту минуту в голову, не защищенную шляпой, проникали всякие легкомысленные идеи.

Потом шляпа много путешествовала, ее наполнял ветер странствий, басовитое гудение пароходов и солнечные зайчики, катающиеся на бирюзовых морских волнах. Однажды ее унесло с легкомысленной головы в прошлом очень серьезного джентльмена, и шляпа прибилась к скамейке, стоящей на Приморском бульваре.

Некоторое время шляпа принадлежала пейзажу одного сонного курортного городка и даже разговаривала с местным морским котом, в смысле приморским – он жил при море и тоже принадлежал Приморскому бульвару. Кот был ужасно мудрым: «Жить надо не торопясь. Созерцай...»

Созерцать долго не получилось, шляпа все еще была красивой и импозантной. Ее вид восхитил заезжего иллюзиониста, рано утром пришедшего на пирс полюбоваться морем на восходе, когда из него рождается солнце. Как говорится: «Кто рано встает...» Тут в жизни шляпы началось самое настоящее сказочное безобразие – из нее доставали кроликов, один из них как раз тот, который не очень успешно, но настойчиво учился считать; из шляпы с шумным взмахом вылетали белые голуби, тянулись связанные в длинную ленту разноцветные платки... Казалось, чудесам будут аплодировать вечно. Но шляпа подозревала, что миром правит какой-то закон неизменности перемен. Она пыталась его сформулировать, но очередной белый кролик сбивал все мысли на какую-то милоту. Это же так мило – кролики.

На шляпе слегка поблек черный атлас и потерялся тонкий кант, добившемуся славы иллюзионисту старая шляпа была уже не по статусу. Он поместил ее в душную шляпную коробку и забыл среди циркового реквизита в угоду новой шляпе, не уставшей рождать чудеса. Шляпа вздыхала – все мы иногда устаем... Вот и фокусник устал, насовсем устал.

Новая шляпа провожала его в последний путь, а реквизит оказался никому не нужным. У людей перемены приобрели форму войны, и им нужно было некоторое время, чтобы осознать – войны преходящи, а искусство вечно.

На свалке шляпу нашел фермер. Славный головной убор для огородного пугала! Шляпа не возражала. Быть ничьей не очень приятно, не для этого ее сшил шляпник. С пугалом даже удалось подружиться, ибо было оно незлобивым и даже склонным к задумчивой философии, которую недалекие люди часто принимают за недостаток ума.

Но вот случилась неприятность – шляпа стала ничьей. Пугало, которое носило, между прочим, серьезное имя Аристарх, унесло ураганом в одну сторону, а шляпу – в другую. Так бывает и с людьми, когда их уносит друг от друга ветрами перемен в разном направлении, и никто не спрашивает, куда их нести.

Шляпа подумала, что быть ничьей немного грустно, беспризорность и бесполезность не очень приятные состояния. Но тут откуда ни возьмись, словно в старые добрые времена, появился белый кролик: «Пятью пять двадцать пять, я иду тебя искать!» Смешной этот кролик. Какие уж там двадцать пять? Смешной и ужасно милый...

ДЕТСКОЕ ЧТЕНИЕ

Николай Шумов

(Москва)

СТИХИ для ДЕТЕЙ

Интересный вопросик

Мама купила, а утром надела
Туфли, которые очень хотела.
Туфли имели высокий каблук.
Туфли по полу стучали: «Тук! Тук!»

Мамина дочка по имени Света
Маму серьёзно спросила про это:
«Как, мам, ходить на таких каблуках?
Можно упасть. И добавила: Бах!»

Мама в ответ ей сказала, вздыхая:
«Наша, дочь, женская доля такая:
В жертву себя приносить красоте,
Как говорится, всегда и везде».

Мамин ответ не понравился Свете:
«Ишь что придумали взрослые эти:
В жертву себя приносить красоте,
Да и к тому же всегда и везде!»

Я не хочу, не люблю умываться!
И почему я должна причесаться?»
Но, приложив бант огромный к макушке,
И причесалась, и вымыла ушки,
Глазки, и щёчки, и кажется носик...
А почему? Интересный вопросик!

Колыбельное

Шелестит страницей книжка,
Я тебе читаю сказки...
Спи, любимая малышка,
Закрывай скорее глазки.

Месяц щурится в улыбке,
Звёзд чуть видимые крошки...
Тени так легки и зыбки
От деревьев на дорожке.

Я тебе читаю сказки,
И вот ты уже уснула...
Ночь свои надела маски,
И к тебе щекой прильнула.

Что-то в ушко пошептала
И, наверно, утомилась...
В доме нашем тихо стало,
Чтобы сказка всем приснилась!

В блюде на столе арбуз

В блюде, на столе, арбуз.
На арбуз надет картуз.
Это я его надел,
Не могу сидеть без дел.

Не могу я без проказ:
Я арбузу сделал глаз,
Но кривой он не красив,
Лучше сделать два из слив.

Ничего не видел краше –
Нужен рот, чтоб кушать кашу.
Я для этого морковку
Вдоль разрезал очень ловко,

Прикрепил ее, и вот –
Для еды готовый рот.

Чтоб не мучиться вопросом,
Огурец пусть будет носом!

Остается сделать уши –
Половинками из груши.

Всё! Закончил я ваять
И теперь пойду гулять!
Только на душе паршиво –
На столе стоит страшила,

Будто с огорода,
Принесли уroda.

У него глаза как сливы!
Улыбается он криво
Перекошенным лицом!
Нос свисает огурцом!

Ну а уши!? Вот так уши –
Словно половинки груши.
Голова – арбуз арбузом,
А на ней – картуз кургузый!

Это все стоит на блюде.
Ох! Спасите меня, люди!

Где же Машина расчёска?

Где же Машина расчёска?
Ей теперь нужна причёска.
Пятый год – не шутки,
Машеньке-Машутке.
Гребешок взяла Маруся:
«Отойди скорей, бабуся!
Я сама сейчас решу,
Как головку причешу!»

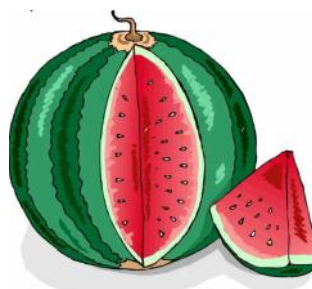
Спорить с Машей бесполезно,
Вот на стул она залезла.
Что теперь сердиться?
Выросла девица!

Так и этак крутится,
Над причёской трудится.
Но не может справиться,
Ни одна не нравится.

По щекам размазав слёзки
И оставшись без причёски,
Машет в зеркало рукой:
«Не хочу я быть такой!»

Машу мы со стула снимем,
Поцелуем и обнимем.
Мы её утешим,
Мы её причешем.

Чтоб была красавица,
Чтоб могла всем нравиться!!!

Про молочный зуб

Потерял я зуб молочный,
Так уж вышло – потерял...
А ведь зуб был очень прочный,
Сам орехом проверял.

Только вдруг он зашатался,
Не давая мне жевать...
А вчера со мной расстался,
Закатившись под кровать.

Мне его так не хватает,
Был любимым этот зуб...
Без него ведь вытекает
Изо рта молочный суп.

И язык стал непослушным,
Шепелявлю я слова...
Этот зуб таким был нужным,
Как нога и голова.

Говорят, на этом месте
Скоро вырастет другой...
Но я с этим – семь лет вместе,
А другой – он не такой.

Я грущу, в постели лежа,
Впору даже заболеть...
И, скажу, друзья, вам: всё же
Нелегко, увы, взрослеть!

Про батарею

Висела она, мою комнату грея...
И все называли её «батарея».
И я её очень, конечно, любила...
Она ведь гудела, когда по ней била.

Сначала тихонько, потом всё сильнее...
Какой музыкальной была батарея!
Но только однажды она прохудилась,
И на пол вода из неё заструилась.

Тут мама, её заменить захотела.
Как жаль, ведь она так отлично гудела.
Соседи и те от восторга кричали,
И тоже в свои батареи стучали.

Про общий язык

Мама сказала: «Послушайте, дочки!
В споре поставьте, пожалуйста, точки.
Чтобы потом от обид не икать,
Общий язык нужно сразу искать».

Только мы маме в ответ закричали,
Что одного на двоих не встречали.
Как будем есть мы обед или ужин?
Общий язык нам с сестрою не нужен!

Я как представила эту страшилу,
Рот поскорее раскрыть поспешила.
В зеркале вижу язык симпатичный:
Маленький, розовый – в общем, отличный.

Да и у Машки, коль быть объективной,
Вроде бы тоже не очень противный.
В зеркале смотрят на нас две сестрицы:
Два языка и гримасы на лицах.

Так всё смешно это было на деле,
Что мы ругаться с сестрой расхотели.
Так и стояли мы рты нараспашку...
Обе смеялись, особенно Машка.

Разгулялось на мороз

Разгулялось на мороз...
И уже с обеда
Побежал с листвою кросс
Ветер-непоседа.

Разметал, разворошил
Все газоны дворика.
Будто, кто-то разрешил
Подурачить дворника.

Собирает он листву –
Ту, что ветер бросил.
Он с метлою на посту
Охраняет осень!

Как я птицу рисовал

Я рисую, я рисую,
Я рисую, как могу.
А рисую – не лису я,
Не корову на лугу.

Рисовать я должен птицу,
А умею только дом,
Значит надо потрудиться,
Лень оставив на потом.

Ты мне, папа, не советуй!
Не подглядывай пока!
Нарисую птице этой
Бледно-серые бока,

И глаза, и клюв, и лапы...
«Всё, готово!» – я вздохнул.

На рисунок глянул папа
И упал, смеясь, на стул.

И сказал: «Да ты, брат, комик!
Не соскучишься с тобой!»
На рисунке вырос домик
С длинной серою трубой.

«Ну а где, скажи мне, птица?
Это явно не она!
Даже если наклониться,
На рисунке не видна!

И какого птица роста,
Коль она и вправду есть?»
Я ответил: «Есть, но просто,
Птица в дом зашла – поесть!»

Слоник-ученик

Он уже подрос немножко,
Слоник с именем Слонёшка.
А на сколько-сколечко
Вырос Слоня-Слонечка?

Этот мы вопрос решили,
Ручки разведя пошире:
Вот на столько-столечко
Вырос Слоня-Слонечка!

Слоню в школу привели,
Все руками развели:
«Как же вырос Слонечка!
Вот на столько-столечко!»

Хочешь – верь или не верь:
Не проходит Слоня в дверь!
Вот на столько-столечко
Не проходит Слонечка!

Даже в классное окошко
Не проходит наша крошка.
Ну совсем нисколечко
Не проходит Слонечка!

Может быть, нам кран нанять,
Чтобы крышу приподнять?
Вот на столько-столечко,
Чтобы влез наш Слонечка!

А потом в окно глядеть,
Как он будет там сидеть,
Хоботом своим качать,
На вопросы отвечать.

По дорожке топал ёжик

По дорожке топал ёжик,
Звали ёжика Серёжик.
Подошел Серёжик к ели,
Отдышался еле-еле:

«Мы с тобой родня, пожалуй,
В гости ты ко мне пожалуй.
Я к зиме в ежовой норке
Разложил запасов горки.

Так что – милости прошу.
Заходи ко мне, ежу».

Ёлка иглами тряхнула,
Ёлка горестно вздохнула:
«Вот что я тебе скажу:
Ёлка – не родня ежу.
Если б все на свете ели
Вместе с ёжиками ели,
Не осталось бы продуктов:
Ни грибов, ни сухофруктов.

Ели пьют лишь только соки,
От того-то и высóки.
Сухофруктов не едят,
Потому что не хотят.

И еще один секрет:
Ног у елей вовсе нет.
Только это не преграда,
Я дружить с тобою рада!»

Снова в школу

В школу идут неразлучных два друга.
Солнце уже озарило округу,
Легкий туман прячет леса полоску,
Травы росой умыты до лоска.

Вот он сентябрь – долгожданный красавец!
Зелени смена в оранж и багрянец,
Осень теплом и прохладой лучится.
Кончилось лето и время учиться.

Что пожелать им? Конечно, удачи.
Верных решений и полной отдачи,
Чтоб все вопросы имели ответы,
И возвращения жаркого лета!

Что там за ягода алеет...

Что там за ягода алеет,
Когда уже прохладой веет
И осень мчит на всех парах,
Сметая листья во дворах?

Она еще горчит и вяжет...
Но, только снег на землю ляжет,
Мороз ударит не слегка,
И льдом покроется река –

Она уже на вкус иная...
И птицы, будто понимая,
Клюют замерзшие дробины
Зимой алеющей...
(рябины).

Машин колобок

Маша решила испечь колобок.
Был чтобы как на картинке из сказки:
Капелькой нос, подрумяненный бок,
Рот и с хитринкою глазки.

Сделан по правилам теста замес,
Но есть одна заковычка:
Вдруг он сбежит и покатится в лес,
Где будет съеден лисичкой.

Вот колобок уже в блюде лежит,
Жаром духовки вздыхая...
Только бежать никуда не спешит...
Просто лежит, отдыхая.

Ну а Маруся идеей горда,
И не напрасно гордится,
Что колобок не сбежит никуда –
Кубику трудно катиться.

ДЕТСКОЕ ЧТЕНИЕ

Светлана Севрикова
(Москва)

СТИХИ для ДЕТЕЙ

Тигрёнок

Если вы завели ребёнка,
Подарите ему тигрёнка,
Потому что для детских игр
Обязательно нужен тигр!

А без тигра – никак нельзя!
Засмеют за глаза друзья.
И совсем заклюют враги.
Хоть в Бразилию убеги!

Словно Врунгелю без тельняшки,
Или улице без дворняжки,
Человеку без тигра плохо!
Беззащитно и одиноко!

А вот с тигром – сплошное счастье.
Он внимателен и участлив,
И опасен, как мышкам кошка,
Если кто-то обидит крошку!

Лошадка

Я забочусь о лошадке,
Как бабуля обо мне:
Надевай, лошадка, шапку,
Чтобы вдруг не заболеть!

Конь – в пальто и в рукавичках,
У жирафки – тёплый шарф.
А не ленточки в косичках
И не клипсы на ушах.

У лисы и белки – шубки,
И у зайчика тулуп.
Я к тебе, лошадка, чуток
И ни капельки не груб!

Хоть фуражку, хоть беретку,
Хоть ушанку, хоть картуз,
Чтоб не пить потом таблетки,
Очень горькие на вкус.

Пугало

Гордится пугало нарядами:
Не птиц пугаю – небо радую!

Дом

У воронёнка дом – гнездо,
А у лисёнка дом – нора.
А у бельчонка дом – дупло.
А у щеночка – конура.

А у меня... А у меня...
Квартира.
Город.
И Земля!

Ёж

Жил да был на свете Ёж.
До чего он был хорош!
Я надеюсь, ты поймёшь,
До чего ж он классный Ёж!

Как куда-нибудь идёшь –
Крикнет: «Здравствуй, как живёшь!»

Если в лужу упадёшь,
«Не сдавайся!» – скажет Ёж.

Ну а вдруг чего совершь,
Ничего не скажет Ёж,
Лишь наморщил чёрный нос,
Отвернулся и уполз...

В общем, до того хорош,
Просто архи-супер-ёж...
Жаль, таких уж не найдёшь.
Кстати, здравствуй!
Как живёшь?!

Ёж считал свои иголки

На проталинке под ёлкой
Ёж считал свои иголки.

Раз – иголка для куницы.
Два – иголка для лисицы.

Три – медведя уколою,
Потому что не люблю!

Раз-два-три – кругом враги.
Сосчитай их и беги!

ДЕТСКОЕ ЧТЕНИЕ

Сергей Тамбовцев
(Санкт-Петербург)

СТИХИ для ДЕТЕЙ

Весёлый зоосад

Просто чудо для ребят –
Петербургский зоосад,
Не толпитесь у дверей,
Посмотрите на зверей.
Шум, веселье, крик и гам,
Звери очень рады вам.

Вот упрямая ослица,
Даже взрослых не боится,
В клетке мечется медведь,
Можно целый день смотреть,
А весёлые мартишки
Рожи строят ребятишкам.

Красным глазом поводит
Африканский крокодил,
Два больших пятнистых шкафа
Так похожи на жирафов,
А пузатый бегемот
Вечно что-нибудь жуёт.

Серый волк давно не ел,
Под большой берёзой сел,
Видно, очень хочет есть,
А на дерево не влезть,
Там на ветках сто ворон

Варят к ужину бульон.

Здесь лиса, а там кабан,
Заяц, белка, пеликан,
Бурундук, бобёр, енот
И большой пушистый кот,
Зебра, страус, два моржа,
Лось, тюлень и три ежа.

Ускакали в конуру
Двадцать восемь кенгуру,
Трётся рогом о порог
Толстокожий носорог,
Львёнок гривую потрянул,
Потянулся и заснул.

За оградой серый слон,
И его сморило в сон,
Мышка в норке громко дышит,
Рыбка спит, давайте тише,
Смолкли утки на пруду,
Я отсюда не уйду!

Прохожу до ночи,
Интересно очень!

Загадка про бабушку

Отгадайте-ка быстрее,
Для кого вы всех милее,
Кто всегда скучает, ждёт
И к обеду вас зовёт?

Кто так вкусно сварит кашу,
Из окошка вам помашет,
Утром в школу отведёт
И ватрушек напечёт?

Кто вам книжку почитает,
В тёплой ванне искупает,
Кто погладит и прижмёт,
Тихо песенку споёт?

Сказку на ночь вам расскажет
И носки из шерсти свяжет,
Кто вам дарит счастье, смех,
Кто вас любит больше всех?

Я спрошу, ребята, прямо,
Вы решили – это мама?
Вот и нет, на этот раз
Был про бабушку рассказ!

Зайкин сон

Под кустом уснул косой,
И зверюшке спящей
Снится, что он стал лисой,
Самой настоящей.

Рыже-огненной, с хвостом,
Что теперь бояться?
Правда, волка под кустом
Можно испугаться.

«Лучше волком буду я, –
Думает зайчишка,
Кто теперь сильнее меня?
Разве только мишка.

Ведь медведь такой большой,
Буду я Топтыжкой. –
Так во сне решил косой. –
Хватит быть зайчишкой.

Я смогу залезть в дупло,
Там есть мёд, все знают,
Но меня за это зло
Пчёлы кусают!»

Вздрыгнул зайка, сон долой,
Лопнули надежды,
И проснулся наш косой
Зайцем, как и прежде.

Кит

Кит в воде совсем промок,
Всплыл наверх и сушит бок.
И такой он не один,
Рядом греется дельфин.

Проплывает по волне
Черепаша на спине.
Чуть подальше стая рыб,
Как большой подводный гриб.

Выплыл старый осьминог
Подлечить колени ног.
Греют щупальца кальмары –
Молодой, а рядом старый.

Скат стряхнул с себя водицу,
Надо срочно зарядиться.
И креветки, и медузы
Подставляют солнцу пузо.

А тюлени и моржи –
Как румяные коржи,
В море мокрые до пят,
Подсушиться все хотят.

Только высохнут, а кит,
Словно маленький, шалит
И смеётся, хулиган,
Выпуская вверх фонтан.

Маленький художник

С неба радугу сниму,
Кисти в радугу макну,
Под рукою семь цветов,
Всё раскрасить я готов.

Красным выкрашу морковку,
Получилось очень ловко,
А оранжевым, друзья,
Апельсин покрашу я.

Жёлтым – солнце и банан,
И цыплят, и обезьян.
А зелёным – огурец.
Вот какой я молодец!

Небо будет голубым,
Я люблю его таким.
Ну а синим станет море,
Я его раскрашу вскоре.

Фиолетовым – не знаю,
Вот сижу и всё гадаю ...
Редко встретишь фиолет,
Что покрасить в этот цвет?

Муравейник

Не шалаш и не гора,
 Не гнездо и не нора,
 Под кустом репейника –
 Конус муравейника.
 Лето – жаркая пора,
 Птичий хор поёт с утра,
 В лес уходит длинная
 Тропка муравьиная.
 Муравьи по ней бегут,
 Много их и там, и тут,
 Обрати внимание –
 Есть у всех задание.
 Кто-то тащит паука,
 Кто-то гонит прочь жука,
 Бегают, толкаются,
 Всё успеть стараются.
 Листья и иголки –
 В ящики, на полочки,
 Веточки – в поленницы,
 И никто не ленится.
 Час за часом, день за днём,
 И в жару, и под дождём
 Все с большой охотой
 До темна работают.
 Долго я на них смотрел,
 Каждый делал, что умел,
 Не нашлось бездельника
 В целом муравейнике.
 Да, у них всё сбудется,
 Потому что трудятся!

Плащ для ёжика

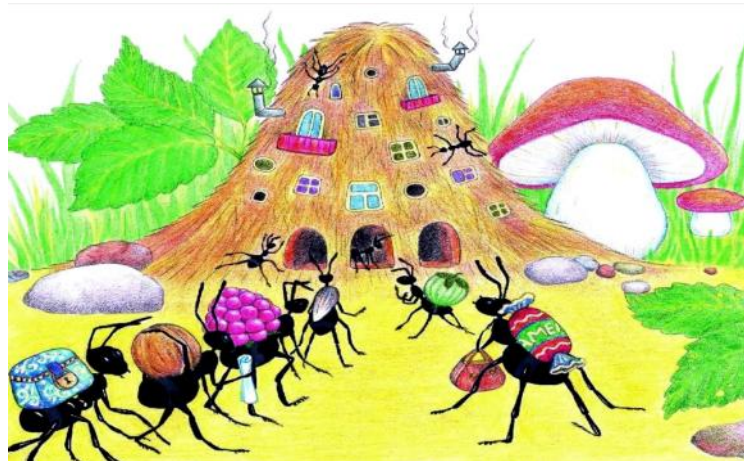
Ёжик выглянул из норки –
 Не дожидаться до утра,
 За канавой на пригорке
 Собирать грибы пора.

Взял корзинку, компас, ножик,
 Зонттик, шапку, сапоги,
 Спички, свечку взял наш ёжик
 И с капустой пироги.

Взял рюкзак, ремень и кружку,
 И пилу взял, и топор,
 Два сухарика и сушку,
 Огурец и помидор.

Взял очки, ключи, фонарик,
 Палку крепкую срубил,
 Даже взял воздушный шарик,
 А колючий плащ... забыл!

Правда, вовремя заметил
 И скорей домой бежать,
 Без колючек все на свете
 Будут крошку обижать.

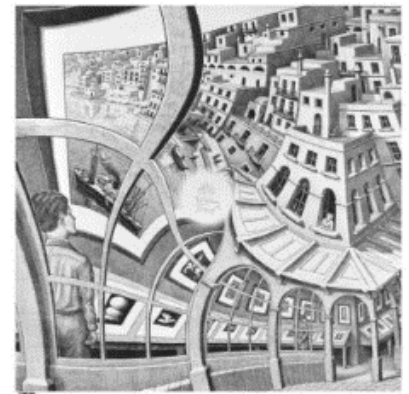

ГОРОДСКОЙ АЛЬБОМ

Мария Д'Хуан

(Москва)

Мария Анатольевна Д'Хуан, внучка киносценариста З. С. Маркиной. Ее детство и юность связаны с родным домом в городке «Московский писатель», где она проводит все свое свободное время и сейчас.

МИР В ЦВЕТАХ И КРАСКАХ⁴²

Зарисовки внуковской жизни

Моей сестре Юле посвящается

*Я верил в детстве искренне и твёрдо,
Что мир не существует без меня.
Лишь отвернусь – и очертанье стёрто,
Сомкну ресницы – вот и нету дня.
Глаза открою – мир возникнет снова
В цветах и красках.*

Е. Долматовский

Одуванчики

В начале лета поляны были усеяны множеством одуванчиков. Одуванчики цвели крупными жёлтыми цветами, росли очень плотно и были мягкими.

Я (справа) с сестрой Юлей. Внуково, 1974 г.

После катания на велосипедах мы с младшей сестрой Юлей любили завалиться на это жёлтое покрывало. Мы лежали на спине и любовались небом, в котором пролетали самолёты – то взлетали, то шли на посадку в аэропорт Внуково. Это было так интересно – просто смотреть в небо!

Иногда мы собирали одуванчиковые букетики и плели из них пышные венки, надевали на голову и, припудренные жёлтой цветочной пылью, возвращались домой. Цветы быстро вяли, и мы сожалели, что сорвали их, а бабушка Зина ругалась: «Опять лежали на земле! Земля ещё холодная! Нельзя этого делать! Заболете!»

⁴² Статья из книги «Внуково. “Московский писатель”. В тени больших деревьев» под ред. О. Грушевой. Дается в сокращении.

Я (справа) и Юля. Внуково, 1975 г.

Нелюбимое задание

На участке росло много малины и чёрной смородины. Бабушки Сима и Зина часто просили нас потрудиться – собрать ягоды. О, это было самое нелюбимое задание. Ягоды мелкие, и корзинка наполнялась очень медленно. Конца не видно! А так хотелось поиграть в бадминтон, в настольный теннис или снова погонять на великах! Ягоды смородины были кислые, а на пальцах оставались тёмные пятна. Смородину мы не любили. Другое дело – малина!

Подарок для Юли

Здесь надо заметить, что у нас были две бабушки: родная, Сима – мать наших мам, и двоюродная, её сестра Зина. Мы их так и называли: Сима и Зина.

23 июля мы отмечали день рождения моей сестры Юли. Вечером того дня пошёл сильный дождь и мы все убежали в дом. Через какое-то время за входной дверью послышались странные звуки – кто-то царапался и жалобно скулил.

Бабушка Сима приоткрыла дверь, и к нашему удивлению мы обнаружили на пороге странное существо – грязное, мокрое и дрожащее от холода. Это «существо» оказалось собакой. Все стали её жалеть и тут же потащили в ванную мыть. Когда сошла грязь, она оказалась привлекательной белой собачкой «дворянской породы» с рыжими пятнами. Мы стали ныть и просить оставить её у нас, но бабушка Сима строго сказала: «Она останется у нас переночевать, а утром мы будем её пристраивать в хорошие руки. У нас достаточно своих собак и кошек». И это правда – у нас всегда обитало множество разной живности, даже ежи, сороки и черепахи.

Мы с Юлькой, конечно, очень расстроились, так как собачка была весёлая, игривая, а главное – добрая, и расставаться с ней не хотелось. Но тут, на наше счастье, со второго этажа Зина громогласно объявила: «Собака останется у нас, не нойте! Будем

Я с бабушкой Симой. Внуково, 1977 г.

считать её подарком для Юли, так как она пришла в день её рождения». И она тут же дала ей кличку – Доня. Юлькина Доня на протяжении многих лет рожала щенков от нашего породистого карликового пуделя Лёлика, а наши друзья и знакомые на долгие годы были обеспечены забавными щенками.

Чаепития

С бабушкой Зиной мы часто садились пить чай за большим круглым столом на Большой террасе. Этот стол с ногой-основанием, украшенной резными изображениями драконов, был куплен Зиной у родственников поэта Александра Блока, а потому старшие в доме называли его «блоковский» стол.

Чай мы любили пить с сушками, а иногда к чаю бабушка пекла пироги с яблоками. Мы пили чай, а Зина рассказывала, как жилось во время войны в эвакуации в Ташкенте, говорила, что творческая жизнь продолжалась и там: писали сценарии, снимали фильмы, сочиняли стихи о войне. У многих на фронте были родные, близкие. Трагедия войны не обошла и нашу семью. У бабушки Симы был сын Владик, который в восемнадцать лет ушёл добровольцем на фронт и погиб на Курской дуге, сражаясь за Родину.

За войной последовали тяжёлые годы восстановления, было всем очень сложно, но бабушка говорила, что тогда никто не жаловался, старались друг друга поддерживать и запоминать только хорошее.

Но были и весёлые истории.

Бабушка привезла из Ташкента тяжёлый чугунный казан для приготовления плова. Она вспоминала, как нелегко было его тащить, но казан благополучно добрался до Москвы, до сих пор хранится на даче во Внукове и достойно служит по прямому своему назначению.

Нам много рассказывали о том, как жили раньше. Вот так мы и сидели, пили чай, внимая семейным историям, участниками которых были наши близкие, и слушали, как за окном стучит дождь...

Юля и я в саду около дома. Внуково, 1978 г.

А в 2002 году в нашем доме снимали фильм «Женская логика-3» со Станиславом Говорухиным и Алисой Фрейндлих в главных ролях. Главные герои фильма тоже сидели за «блоковским» столом на Большой террасе.

Творческие традиции семьи продолжаютя!

Грибы, орехи и лыжи

Свой отпуск – обычно это было в августе – родители проводили на даче. Мы ходили за грибами и орехами в лес за деревню Абабурово. Готовиться начинали уже с вечера: всем выдавали по корзинке для грибов и по пакету для орехов. Взрослые брали перочинный ножик и объясняли нам, что грибы надо срезать ножом, а не выкорчёвывать с корнем.

К сожалению, вставать надо было в пять утра. Вылезать из-под тёплого одеяла было зябко и неприятно.

Ранним утром в августе на улице уже прохладно, сыро, часто бывал туман, поэтому приходилось одеваться довольно тепло: свитер, куртка, резиновые сапоги и головной убор. На кухне бабушка всегда собирала нам в дорогу нехитрую провизию для привала.

И вот всё семейство выходило за калитку. Сначала шли по улице Гусева. По пути встречали соседку Киму, высокую, чуть прихрамывающую, очень доброжелательную. На длинной верёвке Кима по утрам неторопливо вела козу с козлёнком в самый конец улицы Гусева – на поле у школы, и там привязывала своих подопечных к колышку. Блеяние козы было слышно весь день, оно смешивалось со стрекотаньем кузнечиков и разными другими летними звуками.

Кима была для детей персонажем загадочным, толком о ней никто ничего не знал. Уже значительно позже, взрослыми, мы неожиданно узнали, что Кима окончила университет, а её мать, Софья Исааковна, работала в Изварине библиотекарем, хорошо писала стихи и была знакома с Анной Ахматовой и Мариной Цветаевой. Но в то время мы, конечно, этого не знали, да и что тогда нам было за дело – мы продолжали путь!

Поворачивали на Лебедева-Кумача, огибали больничный пруд, поднимались до Некрасовской и входили в сырой, пахнущий мхом и грибами таинственный лес. Мне больше нравилось собирать грибы, разгребая палочкой листья, заглядывая под корни деревьев в надежде найти заветный белый. Но чаще попадались сыроежки, лисички, маслята, подберёзовики.

Когда на пути встречался орешник, кто-то из взрослых наклонял ветку. Мы вцеплялись в неё и как можно скорее обрывали орехи, а листья были мокрые, ветки скользкие, в лицо лезла паутина. А потом звучала команда «Отпускаю!». Мы быстро отскакивали в сторону с чувством выполненного долга.

Вскоре начинало припекать солнце. В лесу становилось жарко и душно, приближался радостный момент привала. Мы находили ближайшую поляну с поваленном деревом и там располагались. Почему-то именно здесь у нас просыпался зверский аппетит. У родителей это вызывало смех и умиление, так как дома похвастаться хорошим аппетитом никто из нас не мог.

После привала, сытые, довольные, с полными корзинами грибов и орехов, с букетами полевых цветов, мы возвращались домой. Бабушки Сима и Зина радостно нас встречали, а мы начинали хвастаться, у кого больше грибов и орехов. А кто-то извлекал из твоей корзины большой красивый белый. В то время во Внукове грибов было очень много. Путешествие закончено. Бабушки, перебирая грибы, восхищались нами. Вечером всех ждал ужин с грибами и жареной картошкой. Но нас это уже не интересовало, так как мы с Юлькой грибы есть не любили.

*на горке за «учительским» домом.
Я с моими сёстрами – старшей Ольгой (в
центре) и Юлей (слева).
Внуково, 1979 г.*

Зимние каникулы мы тоже часто проводили во Внукове. Любили кататься на санках с горки за «учительским» домом. Тогда нам казалось, что это очень крутая гора: я от страха закрывала глаза, а в конце спуска вечно врезалась в сугроб.

Вдоволь накатавшись, раскрасневшиеся и увешанные сосульками, мы тащили за собой санки, возвращаясь домой.

Старшая сестра Оля учила нас кататься на лыжах. Мы прокладывали маршрут через овраг к «Литфонду». Оля говорила нам с Юлей: «Девчонки, не отставайте, нам ещё далеко!»

Теперь смешно вспоминать об этом, ведь на самом деле путь был очень коротким. Но тогда мы старались преодолевать себя и беспрекословно выполняли её наставления.

Для меня Внуково – это счастливое детство.

Незабываемое во Внукове

Воспоминания моего сына Мигеля Д'Хуана

Большую часть летних каникул я проводил во Внукове. Ко мне часто приезжали друзья. Мы целыми днями бегали, прыгали, стреляли из водяных пистолетов, вечером жгли костёр, ходили на рыбалку, в общем, весело проводили время. Но одно лето мне запомнилось особо.

Однажды вечером, тогда мне было лет двенадцать, бабушка Лена сообщила: «У нас будут снимать кино!»

Через несколько дней на участке началась бурная деятельность. Всю улицу Гусева заполнили машины, на участке разгрузили массу аппаратуры, камер, проводов. Появилось много людей, и среди них я с удивлением узнал «королеву» из фильма «Три мушкетёра» – Алису Фрейндлих.

Начался процесс съёмок. Это было необычно и очень интересно. Периодически звучала команда «Тишина! Идет съёмка!».

Я впервые увидел, как снимается кино. Став старше, узнал, что снимались у нас мэтры российского кино: Станислав Говорухин, Алиса Фрейндлих, Вячеслав Шалевич, Игорь Кашинцев и многие другие. Но тогда они были для меня просто актёры, которые играли свои роли в нашем доме, рядом с нашим прудом, сидели на наших креслах, и даже наша кошка и попугай приняли участие в съёмках.

Московский BAZAR № 3 (42) 2022

А самое интересное, что бабушку Лену тоже сняли в эпизоде – она шла по улице Гусева с бидоном для молока. Когда по сюжету должен был идти дождь – эта сцена снималась у нашей церкви, – пригнали пожарную машину и поливали актёров водой из шлангов, досталось и нам!

Через какое-то время, так же неожиданно, как появились, киношники исчезли. Жизнь вошла в прежнее русло, каникулы продолжались.

Узнав дату премьеры фильма, все мы собрались во Внукове и уселись перед телевизором. На экране появилось название: «Женская логика», фильм третий, замелькали знакомые картинки, мы наперебой тыкали пальцем в экран и кричали: «Видел? Видели? Наш куст, наша кошка, вон Лена пошла!» Это было очень весело!

В одном из эпизодов фильма в кадр попадают два висящих на стене портрета – моих прапрабабушки Прасковьи Георгиевны и прадеда Николая.

Вот я и задумался: ведь получается, что мои предки практически приняли участие в съёмках современного фильма.

После съёмок во Внукове. Слева направо: мои братья Александр, Никита, актёр и режиссёр Станислав Говорухин и я. За нами стоит моя бабушка Елена Николаевна Образцова

Я (справа) на съёмочной площадке фильма «Женская логика-3». Внуково, ул. Гусева, 2002 г.

И всё это – незабываемое, необычное – происходит во Внукове!

ЧАСТНАЯ ТЕРРИТОРИЯ

Семейные ценности

Елена Образцова

(Москва)

Специально для журнала «Московский BAZAR»

СЕМЕЙНЫЕ ЦЕННОСТИ: ВОЛШЕБНЫЙ МИР ТВОРЧЕСТВА

16 июля в культурном центре «Внуково-МВТ» в галерее BazART состоялось открытие выставки художника Александра Белугина. Гостей на выставке было много. В программу мероприятия вошли различные выступления, но особенный колорит мероприятию добавили музыканты Сергей Сергеенков и Дмитрий Анурин, исполнители на классической гитаре. Гости их тепло и радостно приветствовали, а у меня родилась идея взять интервью, причем не только у выступавших музыкантов, но и у всех членов этой большой и талантливой семьи, с которой я дружу уже долгие годы.

СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ

Елена Образцова (ЕО): Сергей, вы профессиональный музыкант или это ваше увлечение?

Сергей Сергеенков (СС): Нет. Я не профессиональный музыкант. Это мое увлечение, которым я занимаюсь уже очень давно.

Сергей Сергеенков с внуком Дмитрием Ануриным. КЦ «Внуково-МВТ», 2022 г.

ЕО: Сейчас вы работаете или на заслуженном отдыхе? Расскажите немного о себе.

СС: Сейчас я не работаю, поскольку пенсионер. Но работал на Московском метрополитене машинистом. Там то и был создан ансамбль, в котором я играл девять лет.

ЕО: И ваше увлечение передалось внукам?

СС: Я бы так не сказал, потому что у одного и другого внука с самого рождения обнаружился абсолютный слух. И увлечение музыкой было естественным. Мы всегда поддерживали их в этом начинании.

ЕО: Я хорошо знаю вашу семью, все ее члены – дочери и внуки – обладают разносторонними способностями и

талантами.

СС: Это правда: кто-то рисует, кто-то играет на музыкальных инструментах, кто-то умеет шить, даже в кино снимаются. И нас с женой это очень радует. Наша мама и сама очень интересный человек.

НАТАЛЬЯ МИХАЙЛОВНА о себе и членах семьи

ЕО: Наталья Михайловна, у вас большая семья – муж Сергей, дочери Юлия и Мария, внуки Дмитрий и Григорий. И каждый из вас – личность творческая и разносторонняя. Именно поэтому очень хочется рассказать нашим читателям о каждом из вас, чтобы продемонстрировать, что если очень чего-то хотеть, то все постепенно получается. Важно – увлечься, загореться!

Наталья Сергеев娜 (НС): Да, это верно.

ЕО: Насколько я знаю, вы учились на художественно-гримерном отделении в театральном училище.

НС: Да, и дипломной работой было создание грима в спектакле «Балалайки и К^о» по Салтыкову-Щедрину в театре «Современник». Когда режиссер спектакля Георгий Товстоногов принял мою работу с первого предъявления, я сочла это нормой. Художник-гример отработал – режиссер принял. Но на защите диплома я вдруг услышала, что мой руководитель говорит дипломной комиссии об этом как об особом моем успехе. Мне это очень помогло, придало уверенности в дальнейшей работе. Тем более что все так стремительно развивалось. Пока я ждала выдачи диплома, на гастролях в Риге уже ждал театр, куда меня приняли сразу после дипломной практики.

Проработала в театре несколько лет, однако с рождением первой дочери пришлось уволиться. Но дружба с театром не прерывалась. Иногда я помогала своей наставнице, Тамаре Зимониной, в спектакле, а иногда заходила просто в гости. Театр мне все время снился. В этих снах я снова была за кулисами, и в конце каждого сна почему-то оказывалась на середине сцены. Это было очень странно и страшно. Но, может быть, это был намек на мою новую деятельность.

...Это такая огромная радость – творчество
С головой уходишь в работу, фантазия бьет
ключом, и чувствуешь, что свежая струя вль
в твою обычную жизнь. Мастер счастлив,
удается создать что-то
красивое

Солстка балета Московского
Академического Музыкального
театра им. К. С. Станиславского
и В. И. Немировича-Данченко
Мария Иванова.

Наталья Сергеевкова

Родилась 23 марта 1953 года в Москве. В 1973 году закончила Московское театральное художественно-техническое училище, работала гримером в театре «Современник».

Большой творческий период — работала в «Центре моды причесок» (1976—1991). За это время ею создано множество моделей модного макияжа, фантазийных работ, представленных на Международных конкурсах косметологов и парикмахеров и завоевавших высокие награды.

Деятельность главного тренера по декоративной косметике сборной команды косметологов страны, члена международного жюри, автора и преподавателя семинаров «Школа визажистов» на базе «Центра моды причесок» побудила создать своеобразную «азбуку», теоретическую основу русской школы макияжа — эту книгу.

ЕО: Которая послужила тому, что мы с вами однажды встретились и начали не только сотрудничать, но и тесно дружить.

НС: Верно! Вскоре после ухода из театра меня пригласили в лабораторию моды при Министерстве бытового обслуживания. Моя новая работа была очень интересной и, главное, творческой. А художественно-гримерное образование позволяло успешно обучать специалистов, желающих повысить свое мастерство или подготовиться к международному конкурсу по макияжу. В то время я уже стала главным тренером команды визажистов России. В каждом конкурсе мы получали золотые медали. Накопив большой профессиональный опыт — тренерский и преподавательский, — я создала свою авторскую программу обучения и выпустила книгу «Волшебный мир макияжа».

ЕО: Наташа, ваш волшебный мир постепенно распространился и на мир всей семьи, и сегодня уже по праву можно обобщить, сказав: «волшебный мир семьи Сергеевковых». НС: Я бы сказала, что мир любого творческого человека — мир волшебный, который позволяет обнаружить в себе способности и проявить их в самых разных направлениях.

ЕО: Девочки ведь тоже получили художественное образования, верно?

НС: Да, старшая, Юлия, — художник-бутафор-кукольник. Окончив театральное училище, работала в кукольном театре «Волшебная лампа». С рождением детей, а их у нее трое, Юля посвятила себя семье, но творчество она никогда не оставляет. Любит рисовать, писать акварелью, а еще пишет интересные рассказы в стиле фэнтези.

Младшая дочь, Мария, — архитектор-дизайнер. Делает проекты загородных домов и росписи интерьеров. Тонко чувствует цвет, прекрасный колорист. Наверное, поэтому ей хорошо удается передать в живописи воду и воздушную перспективу. Вообще Маша очень смелая в работе. Сразу после института ей предложили расписать интерьер целого ресторана, и она, не моргнув, согласилась. И получилось здорово!

ЕО: Можно сказать, что женская часть вашей семьи – художники, а мужская – музыканты. Хотя некоторые ухитряются совмещать и то и другое.

НС: Да, наша внучка, Ксения, – философ по образованию, но она очень любит петь и неплохо рисует. Сережа, мой муж, в молодости кроме игры на гитаре увлекался резьбой по дереву. Некоторые вещи сохранились и радуют нас. Олег, муж Юлии и отец Ксении, Мити, Гриши, имеет высшее техническое образование, он – наш домашний Кулибин. Мастер спорта по теннису. Но в детстве окончил музыкальную школу. Играл на кларнете и саксофоне. Сейчас с удовольствием помогает своим детям во всех их музыкальных проектах. Оборудовал для Мити отличную домашнюю студию звукозаписи.

ЕО: Наталья Михайловна, спасибо за интересный рассказ. Хочу задать несколько вопросов вашим внукам.

ДМИТРИЙ

ЕО: На открытии выставки, о которой мы говорили выше, вместе с Сергеем Александровичем, выступал и его внук, Дмитрий. Дима, как началось ваше увлечение музыкой и именно гитарой?

Дмитрий Анурин (ДА): Это начиналось давно. Наверное, когда мне было четыре года. В то время я начал заниматься скрипкой, и мои занятия длились примерно год, но скрипка довольно сложный инструмент, тем более для маленького ребенка. Позже я стал наблюдать, как мой дед играет на гитаре – на семейных вечерах или в свободное время. Смотрел я, смотрел, слушал-слушал, и сам процесс игры на гитаре меня настолько заинтересовал, что я захотел научиться. Дед принялся показывать мне аккорды, учить азам – с этого все и началось. А когда родители заметили, что я увлекся гитарой и что у меня есть к этому какая-то предрасположенность, меня в восемь-девять лет отдали в музыкальную школу.

ЕО: И вы ее окончили?

ДА: С музыкальной школой получилась интересная история. В ней обычно учатся семь лет. Я проучился шесть, потому что во втором классе музыкальной школы я перескочил через класс.

ЕО: Благодаря, очевидно, вашему таланту...

ДА: Наверное. Я поступил в музыкальную школу в третьем классе, хотя ребята там учились с первого класса, и оказался среди детей младше меня по возрасту, но благодаря, как считали учителя, ярко выраженным способностям, меня перевели в следующий класс. В 2019 году я сдал экзамены, получил диплом и ушел в свободное плавание. Но в музыкальной школе есть такая опция – можно остаться на дополнительный год, что я и сделал. Но это был уже карантинный год первого локдауна, и с учебой все сошло на нет. Поэтому дальше я уже стал заниматься сам.

ЕО: А какие планы на будущий год? Дальше хотите учиться?

ДА: В музыкальной школе я занимался в классе классической гитары, но при этом первой гитарой, которую мне купили, была электрогитара. И получилось, что параллельно с классической я всегда играл и на электрогитаре, то есть классика и академическое образование объединялись с эстрадой. Кроме того, я занимался написанием и своей собственной музыки. Сначала – в довольно раннем возрасте – я стал записывать музыку на телефоне, в программе. Затем в восьмом классе мне купили хороший ноутбук, а еще пару месяцев спустя мне подарили набор для домашней звукозаписи. Это был для меня решающий год.

Дочь Юлия и ее сыновья: Григорий (слева) и Дмитрий (фото справа) Анурины

Теперь я занимаюсь аранжировками, звукорежиссурой, играю в двух группах, и в настоящее время мы пишем альбом. Я считаю себя не просто музыкантом, который иногда на чем-то играет, – я профессионально пишу аранжировки на заказ.

ЕО: А на каких музыкальных инструментах вы играете помимо гитары?

ДА: На ударных, на клавишных, на классической гитаре и на электрогитаре в разных стилях. И сейчас я поступаю по специальности в Московский педагогический государственный университет на факультет музыкального искусства – эстрадно-джазовый. Экзамены я сдал успешно – исполнение и теорию, и жду приказа о зачислении.

ЕО: Уверена, что вас примут. Успехов!

ДА: Спасибо большое.

ЕО: Я слышала, ваш младший брат тоже увлекается музыкой?

ДА: Все так.

ГРИГОРИЙ

ЕО: Гриша, вам 14 лет, и вы учитесь в 9 классе. Я знаю, что ты, так же как дедушка и брат Дмитрий, увлекаешься музыкой. Но ведь это не все твои увлечения?

Гриша Анурин (ГА): Да, помимо музыки я пять лет занимался актерством и снимался в фильмах, рекламах и социальных роликах. И началось это с раннего возраста. Меня вдохновил русский фильм, где очень хорошо играл один мальчик, и я поделился этим с мамой, сказал, что тоже хочу сниматься в фильмах. А мама сказала: «Хорошо, без проблем!» – и записала меня в какое-то агентство. Я ходил года два на кастинги, и все безрезультатно. И вот когда мне все это уже надоело, в какой-то момент меня пригласили на съемку. Это была моя первая реклама – реклама «Растишки». И с этого пошла моя «карьера»: поначалу снимался в рекламах и социальных роликах, а дальше меня увидели «более серьезные ребята» и начали приглашать в фильмы. Первой моей работой была короткометражка для выпускников ВГИКа, точнее проектная работа «Три товарища» по мотивам произведения Леонида Пантелеева «Честное слово». В этом произведении демонстрируется сила духа и воли человека. Мальчишки играли в

«По законам военного времени», рабочий момент

Александр Черный с Григорием

войну, но потом их позвали домой и они сказали одному мальчику: «Держи пост, стой здесь! Дай честное слово, что будешь держать пост!» И мальчик, естественно, это слово дал, а мальчишки обратно не вернулись, видимо их мамы не отпустили гулять снова, или они забыли, или были другие причины. И мальчишка стоял до глубокой ночи. К нему подходит мужчина, уже старый, и спрашивает: «Мальчик, ты что здесь стоишь один?». А мальчик говорит: «Пост держу». – «Какой пост?» Мальчик отвечает: «Я дал слово, что буду охранять здесь нашу базу!» Мужчина попытался отговорить пацана: что это просто обычная игра, что тебе необязательно здесь стоять, что родители будут волноваться, но тот ни в какую не хотел уходить, и тогда у мужчины появилась идея! Он попросил своего друга – бывшего генерала, у которого сохранилась в шкафу его старая военная форма с погонами и наградами, ему помочь. И генерал согласился и сказал мальчику: «Я освобождаю тебя от поста!» И тогда тот побежал домой. В общем, суть произведения такова, что даже у таких маленьких людей может быть сила воли!

ЕО: Очень интересно! А с известными актерами ты пересекался? Ведь у них можно многому научиться.

ГА: Я снимался в этом фильме с двумя заслуженными артистами СССР – Сергеем Шакуровым и Владимиром Ильиным. От такой встречи я до сих пор под впечатлением. Несмотря на то что это была небольшая дипломная работа выпускников ВГИКа, фильм получился очень душевный и жизненный, а к тому же в нем участвовали и такие мастера. Я очень горд за свою работу.

ЕО: А какие-то еще были работы?

ГА: Мне посчастливилось сняться в двух полнометражных фильмах: «Отчий берег» и «По законам военного времени», а также в сериале «Казанова».

ЕО: Неплохой послужной список, молодец! Давай вернемся к теме музыки. Я знаю, что музыкой ты начал заниматься тоже лет в пять.

ГА: Да, меня отдали на начальные курсы музыкальной школы, которые мне показались очень скучными, да и учитель был злой, и я не хотел продолжать учебу. Но мама уговорила меня пойти в первый класс, сказала: «Если тебе не понравится, то сразу уйдем». Терять мне было нечего, подумал: схожу попробую. И мне понравилось на самом деле! До 4 класса я

учился в одной музыкальной школе, а потом перешел в другую, так как мы переехали в другой район. Я проучился там еще пару лет. Точной причины, почему я бросил музыкальную школу, нет. Наверное, проблемы с учителями и мое нежелание дальше учиться, и я в какой-то момент остыл к музыке. Я долгое время вообще не притрагивался к гитаре. Она просто висела на полке, и все. У меня были другие дела. Компьютер и всякое другое. Но в какой-то момент – это было совсем недавно – что-то произошло.

ЕО: Интригующая история. Что же произошло?

ГА: На самом деле просто в одно обычное школьное утро я проснулся с диким желанием принести гитару в школу. В школе оказался человек, очень близкий мне по духу, мы с ним вместе учились. Мы начали вместе играть на гитаре, и собиралась огромная толпа. Весь этаж или даже два стояли, смотрели и слушали, как мы играем. Нас, естественно, разгоняли и завуч, и учителя, так как мы нарушали порядок в школе. А мой знакомый играл известные песни, например вещи «Короля и Шута», «Гражданской Обороны» или на рокерскую тему. И я тоже решил разучить все эти песни, и разучил!

ЕО: А с братом Дмитрием вы вместе выступаете?

ГА: Да, конечно, выступаем! Недавно играли на его выпускном вечере. Мы играем на разных концертах, вручении аттестатов. Нас приглашают.

ЕО: Надеюсь, что и дальше у вас с братом будет много приглашений. Кстати, перед Новым годом в нашем культурном центре «Внуково-МВТ» будет концерт при поддержке творческой мастерской «МОССАЛИТ». Готов посетить наше мероприятие, чтобы порадовать нас своей игрой совместно с братом Дмитрием и дедом Сергеем?

ГА: Конечно! Я очень рад, что вы меня приглашаете.

ЕО: Благодарю участников нашей встречи и желаю всем членам этой бесконечно талантливой и дружной семьи успехов и дальнейших творческих свершений. Каждый из вас пример того, что благие творческие устремления всегда находят свое воплощение в жизни и отклик в окружающем мире. Спасибо!

Екатерина Клочкова.

Серия «Русский Север. Ярославской области посвящается...». Графика. 2022 г.

СОБИРАЕМ ЧЕМОДАНЫ

Анастасия Милютина
(Москва)

УЗБЕКИСТАН – ВОСТОЧНАЯ СКАЗКА.

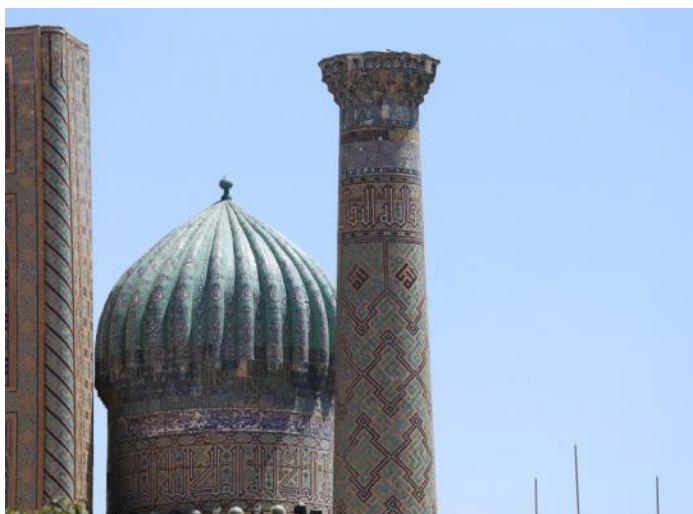
Хроники одного путешествия

Фото автора

Узбекистан – это восточная сказка. Удивительная страна с богатейшей историей. Именно в Узбекистане родился Авиценна (Ибн Сина) – автор важнейших средневековых трактатов и один из самых влиятельных ученых исламского мира. В Самарканде четыре года прожил Омар Хайям, выдающийся ученый, математик и астроном, создавший проект иранского календаря, который до сих пор действует в Иране как официальный. Одна из важнейших обсерваторий Средневековья, расположенная в Самарканде, была основана выдающимся интеллектуалом и ученым, поэтом и астрономом, мудрым правителем, внуком Амира Тимура – Улугбеком.

К слову, Амир Тимур, он же Тамерлан – человек, который смог поднять страну с колен. Он родился в окрестностях современного Шахрисабза, став правителем империи в 1370 году и сделав своей столицей Самарканд. Его империя занимала земли современного Ирана, Кавказа, Афганистана, Сирии, Индии, Пакистана и Центральной Азии. Тимура в Узбекистане любят и уважают за то, что он восстановил страну, лежавшую в руинах после монголов. Правление Тимура – это время расцвета архитектуры, ремесел, наук. Узнаваемые силуэты узбекских медресе и мечетей, многообразие декоративных приемов, использовавшихся для их украшения, – заслуга Тимура. Тимур превратил Самарканд и Шахрисабз в процветающие, блистательные города, окруженные поясом цветущих садов.

Караванная дорога, соединявшая Восток с Западом, тянувшаяся от Средиземноморья до Восточной Азии... тот самый Великий шелковый путь... Большая его часть проходила через территорию современного Узбекистана: Ферганскую долину, Ташкент, Бухару, Хиву. Для караванов, шедших этим маршрутом, была создана необходимая инфраструктура. Речь идет о системе караван-сараев, базаров, бань, чайхан, обменных пунктов. Во времена Тимура караваны, груженные шелком, мускусом, рубинами и брильянтами, следовали из Китая в Самарканд. Численность верблюдов в караванах могла достигать до восьмисот. А лошади из Центральной Азии были ценнейшим товаром, за который хорошо платили в Китае. Великий шелковый путь послужил колоссальному и неоценимому культурному обмену и во многом сформировал узбекскую культуру в том ее варианте, который нам знаком.

Самарканд

День первый. Суббота

Эта история началась в Самарканде, в международном аэропорту республики Узбекистан. Наш самолет приземлился в 6 утра. За бортом уже было +23°C.

Чего я жду от Узбекистана? Во-первых, это первый выезд за границу за последние пару лет. Во-вторых, это новое туристическое направление. Я хочу прочувствовать эту необычную узбекскую атмосферу, о которой многие говорят, и познакомиться с удивительной культурой этой страны.

В аэропорту нас встретил водитель. Мы ехали по центральным улицам еще сонного Самарканда. На первый взгляд здесь оказалось безумно чисто – никакого мусора на обочинах или тротуарах.

Мы остановились у семьи, которая держала небольшую гостиницу в своем двухэтажном доме в центре города. Нас сразу окружили тем узбекским гостеприимством, которого я ждала. И водитель, и хозяин говорили по-русски не очень хорошо, но старались, чтобы

было все понятно. Сразу предложили кофе. А позже пригласили спуститься на завтрак.

Узбекский завтрак... Это надо видеть: творог, каша, самса, блинчики с вареньем, хлеб с маслом, пахлава, кофе, чай, фрукты, орешки... Очень много, очень красиво, очень вкусно!

Планировалось провести весь день на улице, много гулять и знакомиться с городом. Сейчас в Узбекистане «чилля». Так называют в культуре народов среднеазиатских стран период изнуряющего 40-дневного безветренного летнего зноя, во время которого по традиции проводили сорокадневный пост с молитвами и медитациями в чилляхонах.

Мы бродили по улочкам Самарканда. Здесь частный сектор перемежается с малоэтажными квартирными домами. Здесь на улице растет виноград. Надо лишь протянуть руку, и можно съесть ягодку-другую.

Центральной площадью города является Регистан. Регистаном называли главные площади в городах Среднего Востока. На Самаркандской площади расположен знаменитый архитектурный ансамбль XV–XVII веков, состоящий из трех медресе, старейшим из них является медресе Улугбека, возведенное в 1417–1420 годах. Чуть позже Улугбек построил в Самарканде обсерваторию, принеся Самарканду славу одного из главных центров науки средневекового Востока. У медресе квадратный внутренний двор, по периметру которого расположены

Московский BAZAR № 3 (42) 2022

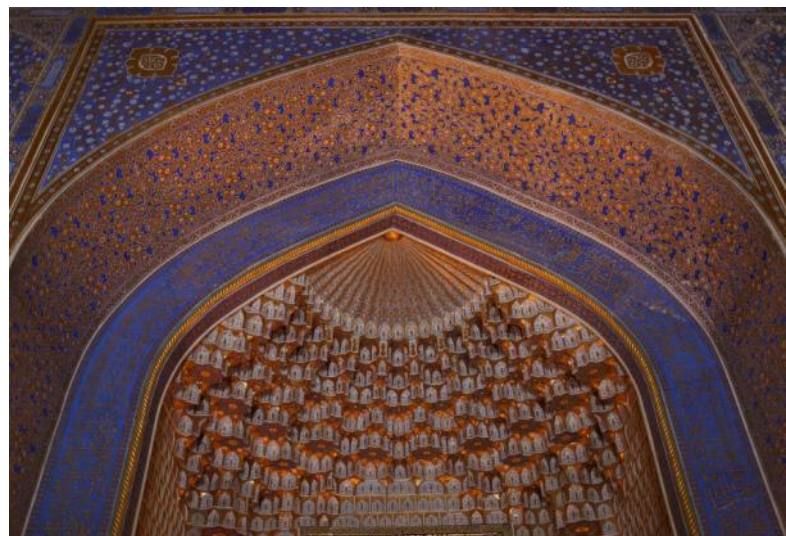
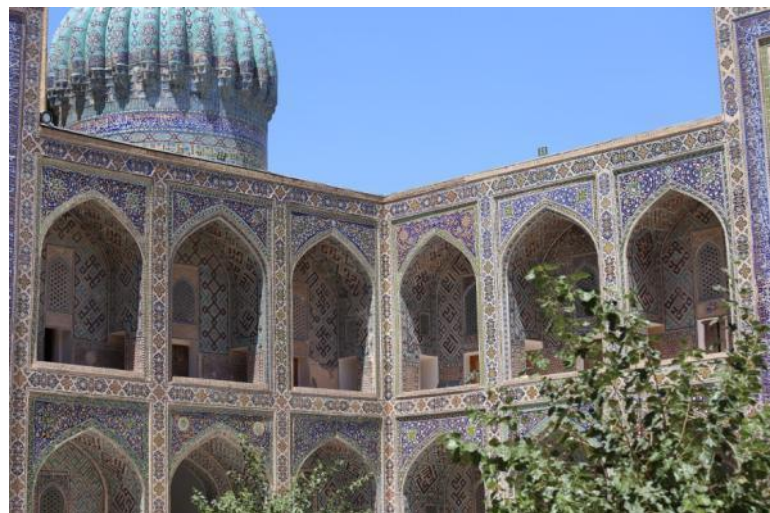
глубокие ниши, ведущие в двухъярусные кельи, где когда-то жили студенты. В этом медресе читал лекции сам Улугбек.

Напротив стрельчатой арки с геометрическим орнаментом на мозаичном панно находится медресе Шердор, стены которого покрыты цитатами из Корана. Гармония больших и малых форм, изящный рисунок мозаики. Сложно поверить, что такое могло быть построено в начале XV века.

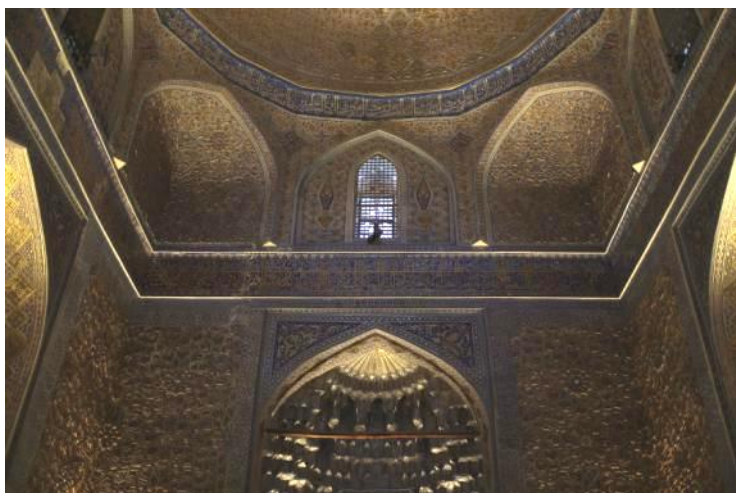
Через десять лет после медресе Шердор в северной части площади возвели медресе Тилля-Кари. В просторном дворе по периметру расположены жилые когда-то кельи, худжрамы, и купольное здание мечети с двумя смежными галереями на столбах. В мечети поверхности стен и сводов покрыты росписью кундаль с обилием золота. Поднимаешь голову, чтобы посмотреть на купол, медленно начинаешь кружиться вокруг своей оси... Симметрия поражает воображение. Это так красиво, как нигде!

Регистан сегодня освещает палящее солнце. Буквально в нескольких метрах – парк. Здесь продают мороженое и соки. Можно любоваться площадью со стороны под кронами создающих тень деревьев.

Столбик термометра приближается к +38°C. Пешеходная улица Ислама Каримова ведет мимо мечети Биби-Ханум, воздвигнутой по приказу Тамерлана после его победоносного похода в

Площадь Регистан, где расположен знаменитый архитектурный ансамбль XV–XVII веков

Мавзолей

Индию буквально за 5 лет (1399–1404 годы), и Сиамского базара к мечети Хазрет-Хызр. Хызр – мусульманский пророк, покровитель путешественников и легендарный обладатель «живой воды». В 2018 году на территории мечети был открыт мавзолей первого Президента республики Узбекистан Ислама Каримова. Хазрет-Хызр – это яркий представитель народной архитектуры самаркандской школы. Она возвышается над городом и древнем городищем Афрасиабом.

Одноименный музей Самарканда «Афрасиаб», расположенный рядом с холмами древнего городища, посвящен истории основания города. Здесь главный экспонат – фрески, датированные VII веком, из зала послов в Афрасиабе. Дворец с фресками был обнаружен во время раскопок в 1965 году.

После захода солнца город как будто ожил. Мы сидели на втором этаже одной из чайхан, ели знаменитый самаркандский плов и смотрели на прохожих и оживленную улицу.

С террасы на крыше нашего дома был виден подсвеченный Регистан. Казалось, будто Самарканд несет в себе какую-то тайну. Ночь в Самарканде – это пить чай на крыше, наслаждаясь прохладой и шумом города.

День второй. Воскресенье

Из интересного: гуляли по Университетскому бульвару, одной из центральных улиц Самарканда, заложенного еще в XIX веке. После его закладки в Самарканде появились первые здания европейского типа. По периметру бульвара сейчас расположено несколько гостиниц, лицей, школа и факультеты Самаркандского государственного университета.

У нас оставалось немного времени перед поездом. Было решено сходить в мавзолей Гер-Эмир, или мавзолей Тамерлана. Шедевр персидского зодчества эпохи Тимуридов был воздвигнут в 1404 году. В правление Улугбека мавзолей стал семейным склепом Тимуридов. Внутри здания стены внизу украшены мраморной панелью с вставками из зеленого серпентина и фризами с резными надписями, а выше расписаны синей краской и золотом. Рельефные розетки на плафоне купола имитируют звездное небо. Декоративное убранство дополняют ажурные решетки на окнах и мраморная ограда вокруг надгробий.

Вечером мы сели на скоростной поезд Афрасиаб до Ташкента. Буквально за несколько часов мы добрались до столицы республики. Поэтому завтрашний день начнется в новом месте...

День третий. Понедельник

Утро понедельника началось в ташкентском метрополитене, который в 1977 году стал седьмым по счету в СССР. На данный момент здесь 43 станции и четыре линии протяженностью 59,9 км.

Мы ехали в сторону Чорсу. Это рынок, стоящий в центре старого города, один из старейших базаров Узбекистана и Средней Азии, возникший еще в 1602 году. Нынешний голубой купол с характерным узбекским узором, потрясающе вписывающийся в местный ландшафт среди голубых мечетей и медресе, был возведен после сокрушительного землетрясения в 1966 году. Под самим куполом торгуют мясом, творогом, орехами... Но Чорсу – это не только голубой купол, это еще и окружающие его ряды в несколько сотен метров.

На открытом рынке можно найти вещевые ряды с национальной одеждой, национальную керамическую посуду, сувениры, овощи и фрукты.

Мы искали настоящую узбекскую дыню. Ох этот аромат! Я выбрала самую душистую, чтобы угостить частичкой так полюбившегося мне за эти пару дней Узбекистана свою семью.

Днем температура поднялась до +42°C. Однако гулять по жаркому Ташкенту и пить молочные коктейли – это так здорово! Утром с клубникой, а днем – с бананом. Волшебная погода и приятное солнце! Не хватает только одного – моря.

Вечером поехали в нашумевший Центр плова. Несмотря на то что солнце уже давно ушло за горизонт, Центр кишел народом. Много было не только туристов, но и местных. Мы сидели на улице под свешивающимися виноградными гроздьями, ели несколько видов узбекского плова, пили чай и свежавыжатый апельсиновый сок. Здесь готовят плов в огромных казанах диаметром в несколько метров. Порой создавалось впечатление, что мяса в плове больше, чем риса.

Рынок

Мечеть Минор

Порции настолько большие, что приходится делать перерывы на созерцание ташкентской телебашни, сияющей словно Эйфелева башня в ночном Париже. К плову, кстати, подали куриное и перепелиное яйца и кусочек конины.

После плотного ужина, который был для нас и обедом, прогулялись мимо Ташкентской телебашни и канала Бозсу к мечети Минор, открытой в 2014 году. Здание построено в традиционном восточном стиле, имеет два минарета и купол небесного цвета. Это один из крупнейших духовных центров Узбекистана.

Хотя до дома было несколько километров, решили идти пешком. Сначала вдоль канала Анхор мимо частного сектора на одноименной набережной, через Шейхантаурскую ГЭС и вантовый пешеходный мост в виде знака бесконечности. Проект этого моста был разработан «Институтом Гипростроймост – Санкт-Петербург». Строительные работы профинансировали Уральская горно-металлургическая компания и предприятие «Трансмашхолдинг». Вдоль Анхора обустроен парк «Навруз».

День четвертый, он же последний. Вторник

Утром была культурная программа в виде экскурсии по музею истории Тимуридов, открытым в 1996 году в честь 660-летия Амира Тимура. Здание Музея – это синтез тимуридского периода восточного и современного архитектурных стилей. Оно исполнено по образцу дворцов, сооруженных во времена Амира Темура. Круглая форма с большим ребристым куполом, парапетами на крыше, открытым айваном и колоннами, полуоткрытая терраса по периметру, эмалированные керамические медальоны... А края здания отделаны черным гранитом. Внутри музея огромная люстра, которая, как говорят, весит около 2,5 тонн, а под ней – основа экспозиции – старинный Коран. В музее представлена вся история Тимуридов. Можно увидеть карты походов, вплоть до Москвы, одежду, предметы быта, макеты памятников архитектуры.

После обеда поехали в Ташкентский городской парк, где на закате солнца начинается шоу танцующих фонтанов с выстреливающим на высоту до 80 метров фонтаном воды. Это самая масштабная рекреационная парковая зона в Узбекистане.

Какой он... мой Узбекистан? Страна голубых куполов, символизирующих небо и счастье, богатая история, пленяющее сердце гостеприимство, вкусная еда, свежие фрукты и палящее яркое солнце!

Московский салон литераторов (МОССАЛИТ)

www.moscobazar.com

mari.veglinska@mail.ru

© МОССАЛИТ, 2022